

Вера Чиркова

ТАЙНЫЙ
ВАРИАНТ

I

СИРОТА

Вера Андреевна Чиркова
Сирота
Серия «Тайный вариант», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51585375*

Аннотация

Юная сирота Эмиэль стоит на пороге своего совершеннолетия. Но этот день не несет ей ничего, кроме утрат. Родителей и приданого у девушки и до этого не было, жених так и не появился, а теперь не будет и крыши над головой. И любящих, заботливых слуг. Только полная опасностей неизвестность, да дерзкое предложение незнакомца, граничащее с непристойностью.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	29
Глава 4	43
Глава 5	51
Глава 6	68
Глава 7	83
Глава 8	92
Глава 9	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Вера Чиркова

Сирота

Глава 1

– Колен, ты мне друг?

Поджарый парень в ловко повязанном зеленом фартуке сноровисто поставил на стол чашку земляничного чая и тарелочку с сухим печеньем и поджал губы.

Девушки порой такие... простушки. Конечно, он друг... раз на большее рассчитывать не приходится. Хотя и был бы очень не против стать для доньи Эмиэль кем-то особенным, девушка она весьма привлекательная. Стройная, гибкая, темные выющиеся волосы уложены надо лбом короной, а из-под длинных черных ресниц смотрят живые карие глаза. И улыбка такая приятная, с ямочками на щеках.

Но само – собой не женихом, жениться ему пока рано, Колен еще не заработал ни на дом, ни на товары для собственной лавки. Будь у доньи Эмиэль приданое, можно бы подумать, но – чего нет, того нет. Хотя могло бы быть. А так она имела шанс стать ему лишь возлюбленной... временной, конечно. Но ведь нипочём не захочет, он и пытаться не будет. На эту дичь уже Мигело ловушку насторожил, и не одну... переходить ему дорогогу чревато, да и бесполезно.

– А чего сделать нужно? – наконец неохотно пробормотал официант.

– Всего лишь заслужить пару серебрушек, – спрятав разочарованный вздох, обворожительно улыбнулась Миэль.

Ей изначально было понятно, что намек на дружбу этого жадного жука не пройдет. Но попытать счастья ведь стоило?

– Посиди на лавочке за углом, – буркнул он безразлично и, подхватив поднос, помчался к вошедшему посетителю.

– Куда же мне деваться? – проводила парня хмурым взглядом юная донья, и принялась за печенье, незаметно опустив половину в карман летней накидки.

Будет чем похрустеть вечером, за книжкой.

Через четверть часа она сидела в маленьком сквере на потемневшей от дождей некрашеной лавочке, предусмотрительно выбрав местечко в тени давно отцветшего куста сирени. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь из соседей заметил ее с подавальщиком, отчим утопит в молчаливом, но таком красноречивом презрении.

– Ну, говори быстро, – вынырнул из-за куста Колен, не менее ее не желавший быть замеченным за шашнями.

– Ты же ходишь на скачки с Мигело? Выясни, какие у него на меня планы. Деньги получишь, как только принесешь ответ.

– Давай сейчас, я и так знаю, – мгновенно сделал выбор будущий лавочник, – но учти, если начнешь скандалить, на меня не ссылайся. Я тебе ничего не говорил.

– Клянусь. Рассказывай.

– Ты ему нравишься... но нужна лишь чтобы скоротать пару ночей. А сватать он собирается Розиту, за ней дают дом, пекарню и лавку.

– Держи, – Миэль сунула доносчику нагретые в кулачке монеты, – и мой тебе совет, сделай из одной медальон, он будет приносить счастье.

Вскочила со скамьи и почти бегом ринулась прочь, спеша попасть домой до заката.

– Счастье? – официант с сомнением покрутил в пальцах монетки, ловко спрятал в свой кошель и ухмыльнулся, – что же ты себе его не приманила?

В дом Миэль ворвалась с последними лучами солнца, едва не столкнувшись с идущим навстречу седым дворецким со связкой ключей в руках.

– Ты очень рискуешь, – неодобрительно качнул он головой, и тише шепнул, – беги быстрее, успеешь к столу. Накладку я сам отнесу.

– Спасибо дон Рушер, – одарила его улыбкой донья Эмиэль и помчалась в столовую.

Есть не хотелось, но огорчать доброго старика она желала еще меньше. Пусть не жалеет ее, когда будет вспоминать. А он будет, как и его жена, кухарка Зарита. Оба служили тут еще в те времена, когда были живы и здоровы отец и мать. Миэль а ее появление только ожидалось.

Старинные часы, стоявшие на каминной полке, размеренно отбивали удары, пока Эмиэль с выпрямленной спиной и потупленным взором чинно шагала к своему месту. И смолкли, едва девушка опустилась на стул. Дон Кренорт недовольно поджал губы и молча кивнул стоящей с половником наготове кухарке, позволяя разлить суп.

Он молчал весь ужин, словно забыв привычные вопросы, и лишь поднимаясь из-за стола, сухо бросил:

– Ты не забыла, какое сегодня число, Эмиэль?

– Двадцать девятое июля, – кротко ответила она, – через два дня первое августа.

Дон Кренорт еле заметно кивнул и направился в кабинет, выкурить перед сном сигару и почитать пришедшие с вечерней почтой письма и приглашения.

А Миэль, проводив его равнодушным взглядом, отодвинула чашку с недопитым чаем и встала из-за стола. Поблагодарила Зариту, чмокнув в круглую щеку, и неторопливо, как подобает воспитанной донне, поднялась по лестнице на второй этаж, в свою спальню.

И только там, накрепко заперев за собой двери, дала волю злым слезам, не опасаясь возможности быть подслушанной.

Кроме нее наверху жили лишь слуги да изредка ночевали гости. Отчим лестниц не любил и потому занял лучшие комнаты первого этажа. И, соответственно, самую большую ванную комнату, превратив ее в личную.

Эмиэль довольствовалась общей со слугами, да и комната

у нее была всего одна, хотя и довольно просторная. Но ничего из этого девушку не задевало и не тревожило. Как может волновать уют и удобство жилища, если точно знаешь, что оно временное? И жить в нем остается все меньше?

Теперь уже всего два дня. Первого числа, сразу после завтрака, к заднему крыльцу подъедет большая карета, слуги погрузят в нее сундуки, саквояжи и коробки, помашут прежней хозяйке и отправят ее в путь.

Куда?

Она и сама еще точно не знала. Но шансов переехать в такой же солидный дом, или немного поскромнее, с каждым днем становилось все меньше. Как выяснилось, бесприданница, даже весьма привлекательная, никому не нужна. Кроме толстых немолодых сластолюбцев, но даже они в этот дом не ходили. Всем известно было условие завещания донны Инедит, — ее дочь может выйти замуж только после совершеннолетия и только за того, кого выберет сама.

А сама она на наивную дурочку походила очень мало, вернее сказать — ни грана не походила. И об этом тоже позаботилась перед кончиной мать. Заставила адвоката написать завещание на семи листах, и предусмотреть каждую мелочь, вплоть до обязательной покупки отчимом трех пар туфель в год.

Он разумеется, все выполнил, а иначе лишился бы наследства, но отомстил с таким изощренным лицемерием, что никаких иллюзий на его счет у Миэль за эти четыре года не

осталось. Кренорт каждую весну и осень самолично покупал ей крепкие кожаные туфли самого простого и старомодно-го фасона, из тех, какие носят лишь немолодые монахини. А ко дню рождения – усыпанные блестками и стеклянными цветочками бальные туфельки, которые можно было надеть лишь пару раз в год, на семейные торжества.

Впрочем, он и одежду покупал по тому же принципу, и потому шансов найти приличного жениха у Эмиэль было в разы меньше, чем у остальных девушек ее сословия. А в тех молодых людях, кто всё же отваживался ухаживать за миленькой донной, одетой как служанка из небогатого дома, Миэль постепенно разочаровалась.

По одной причине, почти все они относились к любителям горячих, но временных отношений. Ну а из тех, кто всерьез рассчитывал на семейное счастье, ни один не задел ее сердце. Просто ничуть, как назло.

Ровесницы Миэль, с которыми она дружила в детстве, а после иногда встречалась на ярмарках и празднествах, одна за другой выходили замуж и покидали этот район для добропорядочных, средне обеспеченных горожан. Мелких чиновников, рантье и служащих городских заведений.

Многие переезжали в торговый квартал, некоторые в более зажиточные районы, а кое-кто в квартал ремесленников. Соседи хвастались дочерью, вышедшей замуж за ювелира, но злые языки утверждали, что тот мастер работает только с серебром и давненько лыс.

Миэль невольно примеряла на себя все эти судьбы и приходила в уныние. Ей конечно ни в коей мере не хотелось оставаться старой девой, но и лысый серебрянщик не прельщал абсолютно. И все чаще вспоминалась мать и крепло понимание, как хорошо она знала свою маленькую Милли. Иначе никогда бы не внесла в завешание одним из главных пункт, гласивший что до совершеннолетия выйти замуж ее дочь сможет лишь в одном-единственном случае, если все семеро уважаемых свидетелей, заверивших этот документ, подтвердят, что союз заключается по взаимной любви и согласию. А если учесть, что среди них были верные слуги, знавшие каждый шаг Миэль, лекарь Абронсий и настоятельница храма, получившая в дар редкий артефакт, кубок определяющий яды, единственную вещьцу, оставшуюся в доме от лучших времен, шанса заставить Миэль выйти замуж против ее воли просто не существовало.

Тихий условный стук в дверь поднял девушку с потертого кресла и заставил наскоро вытереть платочком заплаканное лицо.

– Входи, – шепнула она, отпирая засов.

– Молочка тебе принесла, и еще твоя накидка и почта, – войдя в комнату и предусмотрительно заперев дверь, полупшепотом отчиталась Зарита, вытаскивая из-под фартука узкий конверт, – посыльный принес, очень просил передать лично в руки.

Немного помаялась, вздохнула, и нехотя достала из кар-

мана связанную ленточкой записку.

– А это от того прохиндея.

– Брось в очаг, – равнодушно велела Миэль, сразу узнав манеру Мигело. – И больше никогда не бери от него писем.

– Тогда я и это лучше назад отдам, – сообразительно усмехнулась кухарка, – и еще... Миль, мы тут поговорили... у меня тетка есть, живет одна. Если ничего не найдется подходящего, поезжай к ней. Места хватит, денег тоже, она обеспечена, но от скуки вяжет теплые носки и шарфы. Будешь ей помогать и спокойно искать занятие по душе. Все лучше, чем в пансионе.

– Спасибо, Зарита, – девушка обняла преданную кухарку и пообещала, – так и сделаем, если не поступит никакого предложения. Ты же знаешь, сколько я писем написала... ой, а письмо...

Она присела к столу, подвинула ближе лампу и внимательно оглядела конверт. Ее имя и адрес написаны чётким, уверенным почерком без излишних росчерков и завитушек, какими непременно украшают свои надписи спесивые донны и писари знатных господ. А вместо обратного адреса стоит оттиск печатки, и на нем кроме инициалов и странного значка, смутно похожего на перевитые лентой песочные часы ничего больше нет.

– Может, мне открыть? – Шепнула над ухом Зарита.

Затаившая дыханье Миэль вздрогнула от неожиданности и чуть надорвала конверт. Поднесла ближе, понюхала, нет,

не чувствуется ни аромата духов, ни запаха табака... или зелений... кто же это может быть?

Торопливо отрезала маникюрными ножничками узкую полоску и достала листок зеленоватой бумаги без гербов и вензелей. Лишь несколько слов, написанных тем же почерком.

«Уважаемая донья Эмиэлия Нолеста ле Готди!

Предлагаю вам приличную и несложную должность компаньонки. Для подробной беседы предлагаю встретиться в кофейне «У Жако», завтра в полдень. Буду ожидать в желтом кабинете. Можете взять с собой сопровождающего.

Дон Азхарт Ридзони».

– Кто это такой? – задумчиво осведомилась Зарита.

– Представления не имею. Но ты же пойдешь со мной?

– Пусть лучше Рушер, – подумав, решила кухарка, – хозяин на завтра заказал бобовую похлебку, так я решила сделать к ней фаршированную перепелку, а то тебе и поесть будет нечего.

Миэль только усмехнулась, в последние дни Кренорт старался сделать все возможное, чтобы о жизни в родном доме у нее не осталось никаких добрых воспоминаний и никогда не возникло желание вернуться обратно.

– Ладно, пойду с Рушером, – согласилась она, провожая кухарку, так действительно лучше.

Дворецкий хотя и давно немолод и сед, но мужчина крепкий и уверенный в себе, и вполне сможет защитить ее в са-

мом крайнем случае.

Миэль плохо представляла себе этот ужасный случай. До сих пор в чужие районы она ходила лишь под защитой слуг либо с соседями или знакомыми. И теперь вспоминала, где находится та самая кофейня. Похоже, почти в центре города.

Глава 2

Ехать в кофейню пришлось на извозчике. Непредвиденную трату скудных сбережений Миэль перенесла спокойно, беспокоило ее другое. Как поступить, если вероятный наниматель ей не понравится?

Если она, как иногда случается, испытает к нему не откровенное отвращение, а легкое, неосознанное и ничем не объяснимое неприятие.

Как к примеру, с тем же Мигело. Ведь всем хорош был парень, и весел и вежлив. Но мелькало иногда во взоре или улыбке нечто подозрительное, то ли лживое, то ли злое. Вот и пришлось придумать, как вывести его на чистую воду.

– Вот это площадь наук, – тем временем рассказывал Рушер, – у нас она маленькая, всего один колледж и два училища. А в столице все улицы вокруг застроены разными училищами... со всех городов и из соседних стран едут. Даже отдельное полицейское управление пришлось ставить, студенты народ шумный.

– Зачем мне столица, – пробормотала Миэль, – я и здесь никогда не была. А далеко еще до кофейни?

– Теперь почти рядом, вот выедем на площадь фонтанов, прямо на углу она и будет.

Девушка встрепенулась, оправила юбку серого платья из дешевой саржи и украдкой вздохнула. Отчим покупал гото-

вые вещи в магазинчике вдовы Пармино, а она шила в основном на служанок и вдов. Потому и цвета были темными и блеклыми и фасоны строже некуда. Это платье Кренорт принес последним, к первому дню весны и сиротке пришлось потратить не один день, чтобы убрать тугой воротник – стойку и вышить сиреневым шёлком незамысловатый узор вокруг крошечного декольте и по краю рукавов.

До полудня оставалось всего две минуты, когда их экипаж остановился у отделанного цветной плиткой и коваными поручнями крыльца, и Эмиэль сразу почувствовала себя бедной родственницей перед дворцом богатого дядюшки. О том, что в кофейне могут быть резные лакированные двери и сияющие светом широкие окна, рассмотреть за которыми можно было только присборенные шторы салатного шелка, она до сих пор даже не подозревала.

И сразу сжалась от недоброго предчувствия. Не захочет взять ее в компаньонки матери или сестре человек, который из всех кофейен города выбрал самую роскошную. Стоит только взглянуть на ее одежду, чтобы понять, насколько к разным сословиям они принадлежат. Может, вернуться, пока не поздно? Пока ее еще не искупали в высокомерии, или хуже того, в жалости?

– Проходи, – распахнул перед хозяйкой двери ничего не подозревавший Рушер, и Миэль поневоле пришлось стиснуть зубы и шагнуть внутрь.

Ну вот, как она и предполагала, натертый до блеска ду-

бовый паркет, ниши, выгороженные полированными бочками с раскидистыми растениями. А в них резные диванчики и накрытые кружевными скатертями столики за которые и присесть страшно.

– Чего желаете? – с прохладцей осведомился подвязанный белоснежным фартуком смазливый официант из той категории парней, которые никогда не удостаивали Миэль даже взглядом.

– Нас ожидают в желтом кабинете, – с неожиданным высокомерием заявил ему Рушер, и девушка даже глаза вытаращила от изумления.

До этой минуты ей никогда еще не доводилось слышать, чтобы хорошо знакомый дворецкий с кем-нибудь разговаривал подобным тоном.

– Прошу, – миг расцвел приветливой улыбкой официант, и, учтиво склонив голову, побежал впереди и чуть сбоку к проходу, занавешенному хрустальными бусами чайного цвета, – вам сюда.

Рушер молча и сухо кивнул, пропуская хозяйку вперед, и Миэль пришлось зажать в кулаке монетку, которую она собиралась дать провожатому на чай. В широком коридоре обнаружилось несколько дверей отделанных разного цвета камнями и они подошли к той, которую украшал узор из солнечного янтаря.

– Входите, – раздалось из-за нее, едва Рушер дернул цепочку звонка.

Миэль от волнения затаила дыхание, и на миг даже решилась было отступить, сбежать отсюда куда глаза глядят, но тут же разозлилась на себя за эту слабость. И глупость, разумеется. Ведь не назовешь же умным подобный поступок? Раз уж приехала, нужно держаться до последнего, чтобы потом не жалеть о том, чего не узнала.

– Добрый день, – учтиво произнесла девушка, входя в распахнутую для нее дверь, – я Эмиэль Готди.

– Очень приятно, – негромким голосом, в котором угадывались басовитые раскаты, ответил незнакомец, – я Азхарт Ридзони. Проходите, присаживайтесь.

Комнатка, именовавшаяся желтым кабинетом, была невелика, но Миэль и секунды не потратила на ее изучение. С порога уставилась на сидевшего за столом мужчину, стремясь как можно скорее рассмотреть его и определить для себя, насколько она готова ему доверять.

Судя по седым вискам довольно коротких волос, дон Азхарт Ридзони был уже не молод, но его черные глаза, в ответ откровенно изучавшие Миэль, светились слегка ехидным, опасно острым умом. Твердо очерченные губы, прятавшиеся под щеточкой темных усов, кривились то ли в ухмылке, то ли в полуулыбке, загорелые кисти крепких рук выглядывали из белоснежных манжет поплиновой рубашки. Накинутый поверх нее легкий шелковый колет был небрежно расстегнут, но никому и в голову не пришло бы упрекнуть этого человека в фривольности.

– Добрый день, дон Азхарт, – поздоровался дворецкий, и осведомился, – мне пойти погулять?

– Не стоит, Рушер, – спокойно, как хорошо знакомому человеку ответил наниматель и Миэль тотчас насторожилась.

Вот как, они знакомы! А Рушер ей и словечком не намекнул, не попытался предупредить или успокоить.

– Садись к столу, сейчас принесут кофе. Разговор будет непростой, и тебя тоже касается. Донья Эмиэлия, могу я звать вас просто Миэль?

– Разумеется, – учтиво позволила она и добавила – поскольку вы так хорошо знакомы с моим другом.

– Назвать другом дворецкого – смелый поступок, – с легкой насмешкой констатировал Азхарт.

– Просто честный, – мгновенно парировала Миэль, от обиды вмиг забывшая все страхи перед незнакомцем.

Впрочем, какой же он теперь незнакомец, если Рушер разговаривает с ним так запросто, как с хозяином ближайшей лавки? Только намного почтительнее.

– Можно? – постучав, возник в дверном проеме наглый парень в белом фартуке.

В руках он держал поднос с кофейником, сливочником, и различными вазочками и тарелками. Лишь теперь Миэль рассмотрела что на столе кроме букетика шафранных лилий стоят чашечки, сахарницы с различным сахаром и пирамидка с приправами.

Пока официант сноровисто расставлял на столе булочки

и пирожные, наливал горячий кофе, с ловкостью фокусника добавляя сливки и приправы, мужчины негромко обсуждали предстоящую ярмарку, традиционно открывавшуюся первого числа.

Миэль помалкивала, постепенно приходя в себя и начиная надеяться, что этот человек действительно сможет предложить ей приличное местечко.

Наконец официант исчез, плотно притворив за собой дверь, но Азхарт усмехнулся и выложил на стол кристалл защитного амулета. Дорогушая вещица, Миэль о таких только слышала, а видеть доводилось лишь на картинках. Значит никто не должен узнать того, о чем намерен ей сказать этот несомненно обеспеченный дон, и это подозрительно уже само по себе. Простых компаньонов с такими предосторожностями не нанимают.

– Бери пирожные, ешь, пока я объясняю, – необычным началом разговора Ридзони лишь подтвердил ее опасения, но девушка решила не спешить с окончательными выводами и приготовилась внимательно слушать.

– Согласно завещанию твоей матери, Инедит Готди, послезавтра утром ты должна будешь покинуть родной дом, так как он становится собственностью дона Кренорта Жальо.

– Я в курсе, – Миэль положила на тарелочку едва надкушенное пирожное, – а вот откуда это известно вам? Рушер?

– Я ни при чем, – мотнул головой дворецкий, с наслаждением смаковавший кофе с корицей и сливками.

– Мне? – Азхарт взял чашечку, сделал маленький глоток, и осведомился, – если я объясню, ты не начнешь швыряться пирожными и чашками?

– Не начнет, – уверенно заступился дворецкий за ошеломленно замершую хозяйку, – Миэль очень рассудительная девочка и никогда не позволяет себе глупых выходок. У нее были хорошие учителя.

– Мне ли не знать, – проворчал мужчина, – я сам их нахаживал.

– Вот как... – задумалась сирота, – Тогда почему я должна была швырять чашки?

– Потому что это именно я составил завещание таким образом, чтобы к совершеннолетию у тебя не было ни приданого, ни дома.

– Спасибо, – меланхолично пробормотала Миэль, пытаюсь раскусить, в чем подвох, – ваша милость великолепно с этим справилась.

– Bravo, – неожиданно засмеялся Азхарт, – ты блестяще прошла эту проверку.

– Так это была проверка?! – нахмурилась сиротка, – Чего? Моего характера или способностей? Разве учителя не писали вам докладов и характеристик? Ну, раз вы их нанимали, должны же они были чем-то отплатить за выгодную работу?

– Я говорил, что она сообразительная? – спокойно выдал сам себя Рушер, но сердиться на него у Миэль не было никакого желания.

Однако и смолчать она не захотела.

– А Зарита тоже об этом знает?

– О чем? – нехотя оторвался от кофе дворецкий.

– Обо всем.

– Зарите ничего не известно, – серьезно сообщил Азхарт, – кроме того, о чем знает каждый житель вашей улицы. Будто ушлый адвокат твоего отчима так ловко составил завещание, что все ваши денежки ушли на оплату учителей и слуг.

Миэль лишь тайком вздохнула. Года два назад под влиянием соседских сплетен девушка уже пыталась посчитать стоимость дома, остатки наличных денег и всевозможные расходы, но постепенно так запуталась, что запретила себе об этом даже думать. В конце концов, никто и никогда не считал Инедит Готди наивной или глупой, да и основательность завещания была подтверждением ее предусмотрительности. Так зачем Миэль ставить под сомнение поступок тяжело больной матери, которая из последних сил устраивала дочери безбедную жизнь до совершеннолетия.

– Я могу рассказать тебе обо всех пунктах того завещания, но это очень долгий разговор. Сейчас у меня на него просто нет времени, к утру необходимо вернуться домой, в столицу. Поэтому должен задать главный вопрос, готова ли ты немедленно отправится со мной?

– А вы шутник, дон Азхарт, – Миэль резко поставила чашечку, стукнув донышком о стол, – или это я так похожа на

дурочку? Само собой, никуда я не поеду.

— Миэль! — Рушер смотрел на девушку расстроено, словно она сделала такой жуткий поступок, какого до сих пор не совершала еще ни разу. — Ты неправа!

— Мне очень жаль, — поднялся с места Азхарт, — но я на самом деле опаздываю. Вагоны ждать не будут.

Миэль лишь крепче сжала губы. Неужели дон Ридзони действительно всерьез считал, будто девушка, которая видит его впервые в жизни, может вот так, сразу, не подумав ни минуты, вскочить и помчаться с ним на станцию? Без багажа, без сменной обуви, всего лишь с полупустым кошельком в руках?

— Стойте, — резко вскочил с места Рушер, ринулся к двери и загородил ее собой. — Всего полминуты, дон Азхарт, дайте ей полминуты! Она сообразительная и решительная девушка, просто ваше предложение оказалось для Миэль слишком неожиданным и шокирующим! Сейчас она подумает ...

— Ладно, — хмуро кивнул Ридзони, — жду.

Но Миэль и так уже лихорадочно пыталась осмыслить, почему всегда спокойный и рассудительный дворецкий ведет себя так, словно у нее пол под ногами горит и нужно немедленно бежать. Причем именно с этим донельзя странным человеком, которого она видит впервые в жизни! Зато его явно уже встречал сам Рушер и почему-то считает вполне безопасным и надежным. И значит ей нужно всего лишь поверить его мнению... О Боги, вот же она, подсказка!

– Я готова ехать с вами, – решительно поднялась с места Миэль, – куда бежим?

– Извозчик ждет у крыльца, – устремился вперед дон Азхарт и на этот раз старый слуга молча и покорно отступил с его дороги.

Но когда мимо пробежала Миэль, тихо шепнул:

– Удачи!

– Спасибо, – так же тихо ответила его уже бывшая хозяйка и подопечная.

С совершенно искренней благодарностью, успев к этому мгновению отчетливо осознать, что без его помощи никогда не смогла бы пройти новую проверку. Пока неизвестно, с какой целью ее проверяют, но несомненно, не просто так. И Рушер это знал... однако сказать напрямик явно не мог. Надеялся лишь на доверие Миэль... а она едва не сделала ошибку, от потрясения позабыв, что всего несколько минут назад уверенно назвала Рушера другом. А друзьям нужно либо верить беспрекословно, либо не считать их друзьями. Человек, способный на обман или подлость, быть другом не может по определению, это она знала уже давно, но лишь сегодня впервые применила к себе.

По кофейне они прошли быстро, но без подозрительной спешки, сели в уже стоявшую у крыльца карету, и она понеслась по улицам намного стремительнее, чем коляска, доставившая Миэль в судьбоносную кофейню.

Девушка сидела, свободно откинувшись на мягкую спин-

ку и молча размышляла о том, как воспримет эту новость Зарита. Об оставленных вещах она почти не жалела. Из дорогих ее сердцу ценностей там были лишь портреты родителей, книги и памятные безделушки. Кроме того Миэль не сомневалась, что Зарита никогда не выбросит их и не продаст мусорщику. Куда-нибудь утащит или увезет, возможно, той самой тетушке.

– О чем ты думаешь? – внезапно спросил дон Азхарт.

– Что зря не оставила Рушеру свой кошель, – стараясь говорить спокойно, ответила Миэль. – У него может не хватить денег заплатить за пирожные.

– А о том, чем будешь расплачиваться ты сама, тебя совсем не волнует?

– Разумеется, волнует, – откровенно призналась Миэль, начиная понимать, что ей предстоит далеко не безмятежная поездка, – Ведь в моем кошеле лишь несколько монет, и вы не можете этого не знать. И поскольку я отправилась в столицу всецело по вашей милости, то разумеется надеялась, что вы ссудите мне некоторую сумму до того момента, как я получу первое жалованье.

– А если я откажу?

– Значит мне не суждено побывать в столице, – стараясь не поддаваться закипавшей в душе обиде, так же невозмутимо отозвалась юная донья.

– И ты так просто сдашься? Даже не попытавшись меня убедить, уговорить, упросить, наконец?

– Просить можно лишь в том случае, когда знаешь точно, ради чего или кого это делаешь, а я пока представления не имею, насколько значимым окажется для меня место, куда вы меня позвали. А убедить или уговорить вас несомненно не сумеет и армия таких наивных провинциалок как я.

– Это прискорбно... что ты настолько не уверена в собственных силах, – помолчав, высказал Азхарт и глянув в окно, деловито известил, – подъезжаем. Не отставай, билеты у меня.

И не собиравшись, – выскакивая следом за ним из кареты, ехидно фыркнула про себя Миэль, точно знавшая, что ее денег хватит лишь на извозчика до дома, но никак не на билет в вагон гномьей дороги.

Вблизи вагоны оказались намного меньше, чем казались, когда Миэль разглядывала их на картинках, и не столь нарядны. К каждой дверке, украшенной медным номером, вела маленькая лесенка и Азхарт, остановившись возле пятой дверцы, сначала посадил сиротку, затем легко вскочил сам.

– Твое купе – сдвинув очередную узкую дверку, – сообщил девушке Ридзони, и двинулся дальше.

Эмиэль проводила его взглядом, шагнула в крохотную, меньше чуланчика комнатку, где поместилось лишь два коротеньких диванчика и узкий столик у слегка округлого оконца. На одном из диванчиков сидела немолодая донна в сером дорожном костюме и Миэль остановилась, не зная, что делать дальше.

– Садись, – указала на свободный диван женщина, – сейчас тронемся. Вы пришли как раз вовремя.

– Благодарю, – ответила девушка и присела на краешек, пытаясь припомнить все, что ей было известно о гномьих вагонах.

Но в памяти всплыла лишь поразившая ее когда-то фраза о том, что, продавая вагоны, коротышки ни в какую не желали продавать свои подземные дороги и потому до сих пор сами водят по ним почти игрушечные вагончики. Разумеется, получая от этой работы приличную прибыль.

Пол под ногами дрогнул и люди, сновавшие за оконцем, вдруг поплыли в одну сторону, понемногу пропадая из виду.

– Устраивайся поудобнее, – предложила настойчивая донна, – нам ехать всю ночь. Как поужинаем, опустим столик и раздвинем диваны, получится общая кровать. К сожалению, узковатая, но мы же не толстушки?

Миэль только вздохнула, лишь теперь сполна ощутив себя одинокой, бездомной и никому не нужной, будто бродячая собака.

Нестерпимо захотелось оказаться в своей комнатке, запереть двери и наплакаться до икоты, чтобы все обиды если и не смылись соленой волной слез, то хотя бы притупились.

В дверцу стукнули, и донна тотчас ответила:

– Войдите!

– Познакомились? – заглянул в купе дон Азхарт.

– Нет, – так же коротко доложила донна.

– Почему? – удивился он, но тут же присел рядом с нею и представил, – знакомься, Миэль, это донна Корания, эксперт в моем агентстве. Ты будешь ее помощницей. Когда освоишься, разумеется.

Миэль молчала, ошарашенная новым поворотом судьбы, и не веря пока, что этот невозможный человек снова не шутит и не устраивает проверок.

– Тебе не кажется, Кора, что она потеряла дар речи от счастья? – откидываясь на спинку диванчика, задумчиво осведомился Азхарт.

– Нет, – кротко произнесла та и добавила фразу, заставившую Миэль изумленно вытаращить глаза, – я уверена, что это ты так запугал донью, что теперь она опасается сказать лишнее слово.

– Ну так это же просто бесценное качество для такой молодой девицы, – возразил он, – умение скромно молчать, когда говорят старшие.

– Но не в нашем деле, – с милой улыбочкой огрызнулась Кора.

– Не в нашем, – вздохнул он, и с надеждой покосился на Миэль, – в нашем гораздо полезнее уметь вовремя задавать нужные вопросы.

– Не в том случае, когда их слишком много, и не можешь определить главный, – Кора явно начинала сердиться, и Миэль почему-то стало ее жаль.

Женщина ее явно защищала, и стоило хотя бы выразить

ей признательность.

– Вы совершенно правы, – Миэль благодарно улыбнулась Коре, не успев даже обдумать свою реплику.

– Вот как? – приподнял бровь в деланном изумлении Азхарт, – тогда я вас пока оставляю, мне нужно немного поработать. Кора, как только будет чай, стукни. У нас не было даже лишней минутки чтобы доесть булочки.

Поднялся и шагнул в коридорчик.

Глава 3

После его ухода спутницы некоторое время молчали, и если Миэль мысленно лихорадочно выстраивала новый, совершенно невероятный и потому очень подозрительный макет не совсем пока четкой картинки, то Кора, искоса поглядывая на новую сотрудницу, доставала с багажной полки небольшой, аккуратный кожаный саквояж.

Весьма респектабельный, пусть и несколько потертый. Хотя именно такие и выдавали, по представлению Миэль, людей, давно имевших надёжное ремесло и постоянный доход. Однако ее вывод был посрамлен всего через несколько секунд, когда Кора, достав из саквояжа маленький дорожный несессер, поднялась с места.

– Схожу умоюсь, – сообщила она девушке и невозмутимо добавила, – Твой багаж я положила в нижний ящик.

– Какой еще багаж? – недоумевающе нахмурилась Миэль, – у меня...

– Тсс! – Резко остановила ее Кора и очень тихо, но строго предупредила, – учись думать, прежде чем говорить вслух. Это наше первое правило.

подавившаяся произнесенным словом сиротка смотрела на нее и ощущала, как осыпается едва намеченная ею картинка. И заодно заливает жарким огнем щеки досада на саму себя.

Действительно, как она могла не сообразить, что такие расчётливые люди непременно предусмотрят все детали всех возможных поворотов событий, и даже больше. Постараются сделать все, чтобы эти события пошли по тому пути, какой был заранее спланирован доном Азхартом и его служащими.

И, следовательно, она могла бы просто помалкивать и не спорить, не проходить никаких проверок. Достаточно было спросить: «А как вы считаете?» и ей подкинули бы подсказку или дали готовый ответ.

– Ясно, – выдавила Миэль и сказала фразу, на которую минуту назад ни за что не решилась бы, – но я не умею открывать нижний ящик.

– Я научу, – одобрительно улыбнулась Кора.

Она и действительно научила, и не только помогла достать и открыть довольно вместительный, тоже кожаный сундук, но и показала крохотную комнатку где можно было умыться.

А пока она гуляла, Миэль, заперев на защелку двери, торопливо переодевалась в вещи, обнаруженные в верхнем свертке. Том самом, на который показала Кора со словами – «наденешь прямо сейчас». Там были серебристо-серая юбка тонкого, приятно мягкого бархата и длинная шелковая блуза с пояском, цвета выцветшего фламинго. Скромный вырез украшала тончайшая вязь вышивки и крохотные жемчужинки. Миэль влюбилась в эту вещицу с первого взгляда, и не сразу решилась надеть.

Вот эту красоту – и носить в вагоне? Да ее же можно помять, облить чаем, испачкать едой... Но и снимать уже застегнутую юбку тоже не хотелось, поэтому девушке пришлось, скрепя сердце надеть обновку. Затем она поспешно свернула собственное платье и сунула подальше, в дальний уголок сундука.

Кора вернулась переодетая в примерно такой же костюм, только юбка у нее была шоколадного цвета, а блуза с фиолетовым оттенком.

– Это эльфийские дорожные костюмы, – пояснила она, доставая из-под столика квадратную дорожную корзинку с крышкой, – не мнутся и не пачкаются.

– Наверное, очень дорогие, – тихонько вздохнула Миэль и оторопела, обнаружив прямо перед собой сурово смотревшую на нее Кору.

– Миэль, я ничего, понимаешь, абсолютно ничего о тебе не знаю. И знать не хочу, мне просто не положено. Да и никому другому. Дон Азхарт велел подобрать вещи для новой помощницы и сопровождать его до города, а потом ждать в вагоне обратного состава, и я молча исполнила все приказы. Теперь буду учить тебя всему, что необходимо, но до тех пор, пока хозяин не разрешит, делиться с тобой личным мнением и секретами не стану. Никто из агентства этого делать не будет, порядок такой, не путать служебные отношения и личные заботы. В нашем ремесле это может послужить во вред делу.

– А спрашивать я имею право? – побледнев от внезапной отповеди, осведомилась Миэль из одного лишь упрямства.

– Конечно. Но не обижайся, если тебе не ответят. Это всего лишь значит, что ты спросила не о том, или не так.

Сиротка молча кивнула, как раз это она понимала лучше всего. Мать тоже упорно молчала, когда Миэль пыталась уговорить ее все продать и нанять хорошего лекаря.

А Кора, словно утратив к ней интерес, раздвинула столик, так что он достал почти до дверцы и, застелив скатертью, принялась заставлять коробками с едой.

– Подвинься к окну, – предложила она, закончив, стукнула в стенку и села рядом с Миэль, попутно несколько раз дернув шнурок с шелковой кистью, – это служителю вагона, чтобы принес чай.

Дон Азхарт явился почти немедленно, вошел без стука и сразу уселся напротив спутниц. Подвинул ближе одну из коробок, раскрыл и вытащил солидный кусок мясного пирога.

– Где брала?

– В харчевне напротив станции, тебе с олениной, – ответила Кора, а подвигая Миэль такую же коробочку, добавила, – а нам взяла с индейкой.

– Чай, – важно провозгласил появившийся в дверном проеме коротышка в ярко-красной униформе, и водрузил на край стола медный чайник.

– Спасибо, – безразлично кивнул Ридзони, и сунув ему в руку монетку, сообщил, – билеты в соседнем купе на столе.

Гном глянул на него еще надменнее, задрал нос и удалился, задвинув за собой дверь.

Кора поднялась и принялась аккуратно разливать чай по большим серебряным кружкам. Миэль очень внимательно изучала каждое ее движение, начиная подозревать, что слугей, скорее всего, теперь не положено.

После обеда Кора так же ловко сложила остатки еды в корзину, убрала ее под стол, потом подхватила чайник и куда-то унесла. А вернувшись, получила от хозяина указание посидеть в соседнем купе и тотчас послушно исчезла, плотно задевнув за собой дверку.

– У тебя осталось желание узнать, почему твоя мать поступила именно так, а не иначе? – устало осведомился Азхарт, кладя на стол знакомый амулет.

– Да. Но если...

– Никаких если, – резковато перебил он, – потом у меня долго не будет возможности поговорить с тобою наедине. Выслушай сейчас. Твой отец из довольно обеспеченной купеческой семьи. Он был вторым сыном, но не пожелал заниматься отцовским ремеслом вместе со старшим братом. Получил неплохое образование и зарабатывал на жизнь переводчиком. Не настолько редкое ремесло, но востребованное. Чаще всего он присутствовал при сделках между дельцами разных стран и рас. Иногда сопровождал обозы и экспедиции, если им предстояло преодолеть несколько границ, тебе ведь известно, насколько плотно заселены центральные рай-

оны. До твоего рождения Ларка зачастую сопровождала жена. Когда появилась ты, он года два или три работал один, затем твоя мать снова стала ездить с ним. А десять лет назад случилось несчастье, экспедиция, с которой они шли к драконам, попала в магическую ловушку. Ларк активировал все защитные амулеты, и прикрывая жену своим телом, вынес ее из опасной зоны, однако проклятье их все же задело. Он сгорел через пару месяцев, а твоя мать жила еще шесть лет, и все эти годы думала лишь о твоей судьбе.

Он сделал несколько глотков остывшего чая, хмуро глянул в окно, за которым убегали вдаль деревья, кусты и редкие хутора, и продолжил:

– Мое агентство называется «Приватная помощь», и мне несколько раз довелось помогать Ларку в делах, поэтому Инедит выбрала нас. Скажу сразу, мне очень не хотелось браться за это дело, но в память о Ларке я не смог ей отказать.

Миэль слушала его с закрытыми глазами, ничуть не стесняясь текущих по щекам слез. Она не знала всех этих подробностей, мать говорила, будто отца погубила болезнь, и теперь понятно, почему. Боялась, как бы дочь не начала обвинять в гибели отца ее саму.

– К тому времени денег у Инедит почти не оставалось, хотя она и получила хорошую компенсацию от гильдии проводников. Однако зелья, сдерживающие это проклятье, очень дороги, а излечить можно только одним способом, до-

браться до драконов. Но после той экспедиции никто так и не решился еще раз попытаться до них дойти. Содержание большого дома тоже обходилось Инедит недешево. Но продать его и просто проесть она не желала. Ей хотелось, чтобы до совершеннолетия ты жила так, как привыкла при отце, и получила достойное образование.

Миэль уже ничего не понимала. Откуда же в таком случае взялось пресловутое приданое, позже истраченное отчимом на учителей, слуг и еду? И на какие деньги Кренорт покупал ей одежду и вещи?

– Вот тогда она и придумала, как продать дом и остаться в нем жить, – продолжил Азхарт, – Кренорта Жальо для нее нашли мои люди. Он рантье, получил в наследство счет в банке и дом. Но этим домом он владел пополам с сестрой, старой девой с невыносимым характером. И мечтал жить подальше от нее, но на те деньги, которые мог выручить за свою половину, купил бы лишь маленький домишко. Вот мы и исполнили его мечту, поменяли половину его дома на удобный особняк, в обмен на несложную работу. Жальо обязан был в течение шести лет исполнять обязанности твоего отчима. Нанимать учителей и слуг, покупать одежду. Ну и похоронить фиктивную жену. На оплату всего этого пошли деньги от продажи его половины дома. Они лежали в банке и он каждый месяц получал оговоренную сумму, а мы проверяли его счета. Почему тебя оставили именно с «отчимом», ты и сама несомненно уже сообразила. Женщинам доказать род-

ство и право на воспитание сироты было бы намного труднее.

– Я все поняла, – остановила его Миэль, – спасибо. Теперь все встало на свои места. Мне только жаль, что я напрасно так ненавидела Кренорта.

– Не переживай, вовсе не напрасно. Он постепенно влюбился в тебя, и строил собственные планы на твое будущее, – «утешил» ее Азхарт.

– К-какие... – девушка даже заикаться начала от неожиданности, – не может быть. Он всегда был такой равнодушный... даже холодный. И вообще он старый!

– Ему всего тридцать пять. Самый расцвет мужской привлекательности, если хочешь знать. Уже не мальчик-попрыгунчик, не молодой повеса ведущий счет победам, и не охотник за приданым. Да и разница в десять – пятнадцать лет считается самой лучшей для крепкого союза. Ну а насчет холодности – это хорошая маска. Но когда ты не могла видеть, он наблюдал за тобой очень заинтересованно, от слуг такие вещи не скроешь. Тем более они следили за ним как доверенные люди, упомянутые в завещании.

– Но что он мог сделать? – она ему конечно верила, да и как не поверить, если отчеты, как выясняется, отправлял Рушер.

Но представить, что Кренорт вдруг начинает объясняться ей в любви, Миэль не могла. Абсолютно.

– Кроме того, что отпугнул всех женихов, которых не ин-

тересовало наследство? – усмехнулся Ридзони, – не удивляйся, хотя и немного, но такие были. Ты девушка красивая, воспитанная, скромная, не мотовка, не капризна и не ветренна. И это ему очень подходило, поэтому план был прост, в тот момент, когда ты будешь думать, куда лучше переехать, в дешевый пансион для белошвеек, или к тетушке Зариты, предложить тебе жить как прежде, в своей комнатке. Не может же он отпустить неизвестно куда дочь любимой женщины, которую оплакивает до сих пор. И ты бы согласилась... ведь как только что сказала, считала его холодным и равнодушным. Даже не вспомнив о том, что в полдень первого августа заканчивается срок договора, по которому за твоей безопасностью следят шестеро уважаемых людей. Седьмым был Кренорт, не включить его не получалось.

– Еще четверо – Рушер с женой, лекарь и настоятельница, – считала Миэль, еще не осознав глубины пропасти, поджидавшей ее через сутки. – шестой – вы. А кто еще?

– Нотариус. Это его обязанность. Ну и заработок.

– И никто бы не помог мне после первого числа?

– Слуг он уволил заранее, с августа, взяв клятву не говорить тебе об этом. Поэтому мы с Корой и тряслись всю ночь в гномьей вагонетке, чтобы успеть забрать тебя. Если ты, конечно, не заупрямилась бы. Спасать людей против их воли самое неблагоприятное дело. А теперь я пойду к себе, у меня много работы, а ты устраивайся поудобнее и спроси Кору о своих обязанностях. Завтра я могу дать ей отдохнуть только

до обеда, потом придет важная клиентка.

Забрал со стола амулет и ушел, словно не замечая ошарашенного взгляда новой сотрудницы.

Впрочем, Миэль была и не против. Хотя у нее и оставалась куча вопросов, но сначала нужно было как-то переварить, уложить в голове по-новому все то, что сегодня обрушилось на нее внезапно, как лавина.

Через минуту вернулась Кора, устроилась с ногами на своем диванчике и прикрыв ноги покрывалом, достала откуда-то книжку.

– Кора, – решила ей помешать Миэль, – дон Азхарт велел спросить у тебя про мои обязанности. И, если можно, расскажи еще где мне предстоит жить.

– Обязанности пока простые, – глянула на нее спутница, – молча сидеть за столиком в своем уголке, писать то, что я велю и просматриваться к моим действиям. Агентство «Припо» весьма немаленькое и хорошо известное, Азхарт берет разных клиентов и различные дела. Но занимается ими не сам, передает экспертам. Каждый делает свое дело, и никогда не сует свой нос в чужие секреты. Поэтому я тебе даже названий отделов пока говорить не буду. Если приживешься и не сбежишь, тогда сама позже разберешься. О том, где тебя поселит Азхарт, в доме или пансионе, я пока ничего не знаю, но одно могу сказать уже сейчас, сев в этот вагон ты тем самым подписала контракт на год, и уже считаешься сотрудником и зарабатываешь деньги. Сколько – тоже еще не

знаю. Пока учишься, оплата будет меньше, позже начнет добавляться, смотря по твоим успехам.

– А если успехов не будет?

– Бывает и такое, – равнодушно пожала плечами Кора, покосилась на притихшую ученицу и, спрятав вздох, буркнула, – но очень редко. Ведь Азхарт не берет в «При-по» кого попало. Но в агентстве работают не только эксперты. Присмотришься, поучишься и вполне возможно потянешься к какому-то ремеслу. Не загадывай заранее, лучше отдохни. Вот тебе книжка. Свет в лампе добавляется вот этим рычажком. Гномьи вагоны полностью магические механизмы. Везде стоят энергетические накопители. В недрах гор встречаются мощные источники, и гномы давно научились использовать их силу, хотя магов среди них нет. Не спрашивай, почему, не знаю. И сама удивляюсь. Вот эльфы все поголовно маги.оборотни и драконы – тоже. Русалки, древни, гоблины... даже тролли. А гномы – нет. Хотя магией они пользуются очень уверенно, но только с помощью всяких жезлов, пирамидок, ключей и амулетов.

– А кто-то говорил, будто вагоны едут на пару, как паровозы.

– Этот мог сказать только полностью лишенный логического мышления человек, – внезапно вспыхнула негодованием Кора, – Только представь, чем бы мы дышали в тоннелях, по которым будем ехать всю ночь, если бы в первом вагоне стоял дровяной паровой котел. Или даже на угле, который

гномы считают даром хозяина гор и жгут только в крайнем случае. Если у них закончатся взятые с собой накопители.

– А люди? – Миэль попыталась перевести разговор на другую тему.

– Что люди? Магические способности у людей не редкость, но сильных магов, способных равняться с эльфами, а тем более драконами, нет. Ну, на вопросы я ответила, теперь отдыхай.

Кора уткнулась в книжку и, казалось, забыла про спутницу. А Миэль задумчиво смотрела в оконце и все явственнее чувствовала себя обманутой. У нее сегодня такой особенный день... последний в той жизни, какой она жила двадцать лет, и первый в той, которой предстоит жить дальше. Разве не об этом она мечтала долгими зимними вечерами, заранее укладывая в сундуки свое небогатое приданое. Пусть и простые, но тщательно вычищенные и выглаженные платья, собственноручно вышитые сорочки и накрахмаленные нижние юбки.

Но когда ее желание неожиданно исполнилось, вдруг оказалось, что все эти баулы ей больше не пригодятся, и в незнакомый город и чужой дом она придет с абсолютно чужим сундуком. И это рождало в сердце печаль и тревогу. А прежде Миэль казалось, что день ее совершеннолетия будет каким-то особенным, ярким, праздничным, незабываемым.

Еще бы вспомнила про молодого, симпатичного дона, которому нужна хорошая жена, а не ее приданое, которого ждала последние три года со все угасающей надеждой, – огор-

ченно подумала Миэль и тихонько вздохнула. Глупые детские мечты.

– Плакать будешь? – тут же отозвалась со своего места Кора.

– Нет, – отказалась ее ученица, – подожду пока. Вдруг позже будет более подходящий момент.

– Ну и правильно решила, – в голосе наставницы слышалось затаенное веселье, – насколько мне известно, слезы вообще еще никогда и никому не помогли. Выплакать можно сиюминутную жалость или подачку, да и то лишь у сострадательных людей. Не хочешь посмотреть в окно прохода? Там сейчас будет виден водопад, мы въедем в тоннель почти рядом с ним.

И, первой спрыгнув со своего диванчика, вышла в игрушечный коридорчик. Миэль невольно последовала за ней, видеть водопады ей до сих пор не приходилось.

Прильнула к окну и замерла, не в силах от восхищения даже слова произнести. Они уже ехали по каменному мосту над бурным потоком, а откуда-то сверху плотной стеной низвергались бесконечные каскады воды. Заходящее солнце оказалось от них по другую сторону и от этого каждая струйка светилась и сверкала, будто жидкий хрусталь.

Это было невыразимо прекрасно, сердце наполнилось незнакомым светлым счастьем, и невольная тоска отступала, таяла от его тепла.

– Хитрые коротышки специально так подгадывают, что-

бы проехать по мосту, когда солнце еще не село, но светило не сверху, а сбоку, – насмешливо фыркнул неизвестно когда оказавшийся за спинами спутниц Азхарт, но его ехидство ничуть не испортило Миэль настроение.

Наоборот, развеселило, когда она заподозрила что он и сам не случайно вышел из своего купе именно в эти минуты.

Глава 4

Кора разбудила ученицу едва гномий состав выполз из тоннеля. Утро уже было в разгаре, солнце сияло где-то позади вагончиков, бодро катившихся по заметно идущим под уклон рельсам.

– Быстро умывайся, я пока сдвину диваны, – командовала она, умело свертывая пледы, – скоро небольшая станция. Тут часть пассажиров сойдет и сядут новые. А мы за это время должны купить еды. Состав стоит всего две минуты.

Миэль никак не могла понять, как можно что-то успеть купить за это время, тем более если кто-то будет выходить, а кто-то заходить, но все оказалось очень просто. Кора открыла оконце, и снующие по перрону торговки с корзинами сами начали совать им пироги, колбасы, жареную рыбу и хрустящие малосольные огурчики. А еще отварную картошку в туесках из ржаной соломы.

Кора накупила всего, а еще горшочек кислого молока с румяной пенкой и несколько мягких как масло желтых груш.

– Вот знаю, что столько не съедим, а все равно никогда не могу удержаться, – вздыхала она, оглядывая заваленный снедью столик, – звони гному, пять раз. Пора чай пить.

Азхарт, как и вчера, явился по первому знаку, сел напротив и потер руки:

– Рыбка с картошечкой, да закваской, настоящий деревен-

ский завтрак.

Миэль старательно помалкивала, но от спутников не отставала, Зарита по утрам кормила ее творожной запеканкой и чаем с молоком, считая это самым полезным для молодой девушки.

– А теперь о делах, – заявил Ридзони, позавтракав. – Кора, на женской половине есть свободные комнаты?

– Да, – сразу посерьезнела женщина, – на третьем этаже четыре и одна на втором. Фисташковая.

– Она же рядом с твоей? Значит туда ученицу и поселим. А теперь объясни ей про одежду и подберите условное имя. Поднялся и ушел, даже не глянув на Миэль.

Кора с ученицей сложили остатки еды в корзину, убрали скатерть и сели на свои места поближе к окну.

– Давай сначала подберем имя. Под своими мы не работаем. Клиенты бывают разные, встретят где-нибудь в городе и начинают либо вопросы задавать, чтобы получить бесплатный совет, либо беседовать на больные темы. Некоторые угрожают... но о них потом. А мне хочется в свободное время заниматься собственными делами, а не чужие проблемы решать.

– Но ведь они могут узнать тебя и без имени? Ты такая яркая!

– Спасибо за комплимент, тем более от чистого сердца, – засмеялась Кора, – но это уже второй вопрос. Так есть какое-нибудь имя, на которое ты будешь откликаться? Но ко-

торым не представляешься в обществе?

– В каком-таком обществе? – ахнула Миэль и по укоризненному взгляду Кору поняла, что снова нарушила правило, – извини. Трудно так сразу... хотя я не болтушка. Сейчас подумаю... можно Эми.

– Договорились. А теперь, Эми, про одежду. По дому мы ходим в одинаковой форме, и все носим либо искажающие амулеты, либо личину. Иначе нельзя. Но поскольку это не дешево, носим только на первом этаже. Он весь отдан под агентство. Кабинеты, гостиные, коридоры – везде могут ходить клиенты. Не могут лишь попасть наверх, лестницы спрятаны. В своих комнатах, как сама понимаешь, все хотят спокойно отдыхать, а не прятаться от клиентов.

– Я уже начинаю их бояться, – пошутила Миэль и прикусила язык, увидев, насколько серьезно кивнула в ответ Кора.

– Так и нужно. Лучше поостеречься. Я не знаю, какую защиту даст тебе Азхарт, но первое время помогу вовремя снимать. За один день к этому никто еще не привык. Теперь слушай, как мы попадаем в дом. Еще в вагоне надеваем шляпки с вуалями, и не снимаем до своей комнаты. Это не просто предосторожность, это главный закон агентства. В доме это никого не удивит, большинство знатных клиенток приезжают либо под личинами, либо скрывают лицо и даже плечи густой вуалью. Да и многие знатные доны предпочитают обращаться к нам инкогнито.

– А разве им не проще вызвать эксперта домой?

– Возможно, но мы никогда не ездим. В особых случаях Азхарт посылает кого-то из мужчин, но нас это никогда не касается. Поэтому на просьбы подобного рода просто не обращай никакого внимания. Дальше. В дом входим через главный вход, медленно, важно, изображаем из себя клиентов. Идем к кабинету номер пятнадцать, там приемная и двери в два кабинета. В приемной сидит секретарь. Разговаривать с ней не нужно, просто присесть на кресло рядом с левой дверью. Через минутку она подаст знак, спокойно встанешь и идешь в кабинет. Сегодня я зайду с тобой вместе.

– А потом?

– Там увидишь, – усмехнулась Кора.

– Понятно. А если к левой двери сядет клиент? Разве они не могут запутаться?

– А секретарь там для чего?

– Разве она никогда не уходит? – задумалась Миэль.

– Молодец, – неожиданно похвалила наставница, – ты правильно мыслишь. Конечно иногда ей нужно уйти, все мы живые люди. Для этого у секретаря есть потайной звонок. Она вызывает охранника, и тот сидит вместо нее несколько минут. А если в это время приходят клиенты – вежливо просит их подождать. Все остальное увидишь сама.

– Можно еще один вопрос, Кора?

– Ну задай. Но предупреждаю сразу, если ты и сама можешь найти ответ – от меня его не жди. Это тоже правило, Азхарту нужны думающие помощники, а не исполнительные

болванчики.

– Поняла, – задумалась Миэль и все же решилась спросить:

– Вы так тщательно защищаетесь... это на всякий случай... или были веские причины?

– На этот вопрос я отвечу. Да, вся эта система выросла не на пустом месте. Когда-то Азхарт снимал под контору несколько комнат в центре города. Но после того, как нездоровый умственно клиент, получив отказ, напал на них с боевым амулетом, хозяин придумал почти безупречную защиту. Я говорю почти – так как совершенства в этом деле быть не может. Всегда есть вероятность ошибки. Наши клиенты не счастливые и беззаботные существа, а нервные, замученные болезнями, несчастьями и неудачами люди, которые могут прийти в ярость от неверного вопроса или слова. Ко мне такие не ходят, но в коридоре все равно дежурит охранник.

Она бдительно изучила лицо задумавшейся ученицы и неожиданно спросила:

– Страшно? Может, вернешься?

Миэль посмотрела на нее с недоумением и, сообразив, что это проверка, с самым серьезным видом ответила:

– Конечно, страшно. Я обязательно вернусь... как только заработаю отпуск, провести друзей.

Кора лишь одобрительно кивнула и достала свой саквояж.

– Пора переодеться. Через час будем на месте.

Девушка кивнула и выскользнула из купе. А когда верну-

лась, на диванчике сидела донна в знакомом сером дорожном костюме и серебристой шелковой шляпке с непроницаемой вуалью. На втором диване покоился сундук, считавшийся багажом Миэль, и на его крышке лежал бежевый костюм и шляпка чайного цвета с вуалью. На коврике стояли светлые туфли на небольшом каблучке, точно такие, о каких сиротка мечтала уже три года. После того, как сносились и стали тесны последние купленные матерью туфельки.

Едва их заметив, Миэль ощутила, как чуточку теплее и светлее становится на душе, отступают сомнения и страхи и зарождается пока не доверие, но уже признательность. Нет, она не была столь наивной, чтобы считать платье и туфли необыкновенным даром, достойным ее преданности, ничуть. Миэль вообще не считала собственные чувства предметом обмена или торгов. Но в этот момент приняла твердое решение во что бы то ни стало постараться научиться всему, что умеет Кора. Просто потому, что хочет больше никогда не зависеть от таких людей как Кренорт.

И пусть он всего лишь выполнял свою часть сделки, но мог бы при этом быть хоть чуточку, хоть на гран добрее. Теперь девушке стало ясно с непреложной очевидностью, что грубые, неказистые платья она носила ради одной лишь цели. Чтобы как можно меньше привлекать взгляды чужих мужчин и не вызывать интереса у возможных женихов.

Когда возвратилась гулявшая по коридору Кора, напротив ее места сидела изящная донья в бежевом костюме и вуали,

задумчиво водят пальчиком по слегка вытертой коже дорожного чемодана.

– Я понимаю, зачем нужен был такой большой сундук, – пробормотала она, – Чтобы, когда мы придем, никто не подумал, где мой багаж ...

– Неправильно. – Перебила ее Кора, садясь напротив. – У нас не принято интересоваться, есть у тебя какие-то вещи или нет. У каждого своя история, и никто не станет как досужие сплетницы с первой же минуты лезть в твою жизнь. И позже – тоже. Даже интересоваться не будут, забудь про эти мешанские правила, когда каждого нового человека допрашивают с особым пристрастием, будто закоренелого преступника. На самом деле мы просто сэкономили свое время, сегодня мне некогда водить тебя по магазинам. А перед отъездом была пара свободных часов, и я по пути купила все, что сочла необходимым. По указанию Азхарта, разумеется, и размеры он дал. А таскать его тебе не придется, не волнуйся. На станции полно носильщиков.

– Кучер унесет, – произнес Ридзони, открывая шире двери, – Кора, поедете без меня. Я сойду первым и пришлю возницу. Оплатишь сама.

И пошел по коридорчику в сторону выхода. Только тут Миэль заметила, что у него нет с собой даже саквояжа. Да и не было, как теперь очень ясно припомнилось ей. Хотя он мужчина, а постель и полотенца им вечером выдал гном, но ведь Азхарт что-то говорил про работу?

– Не спеши, – предупредила Кора, и в этот момент за окном, замедляясь, поплыла платформа столичной станции.

Глава 5

С той минуты, как состав медленно и важно замер напротив нарядного вокзала с возвышающейся над ним светлой башней с часами, перед Миэль словно раскрылась дверца в другой мир.

От столичной станции вагоны отправлялись сразу в пять городов, лежащих по ту сторону центрального хребта, и на широкой, как площадь платформе гуляли, сидели и стояли представители самых разных рас. Кора крепко держала ученицу под руку, не давая остановиться и как следует рассмотреть бледных и тонких, женственно изящных эльфов, темнокожих, коренастых гоблинов, важных, как индюки гномов и замотанных во влажные облака, золотогривых русалок.

Шедший впереди крепкотелый кучер, тащивший на мощном плече их сундук, решительно и неуклонно рассекал толпу, и Кора старалась не потерять его из виду. Разумеется, никуда бы он не делся, особенно после того, как в обмен на багаж отдал свой номер, и найти его она сумела бы. Только пожелай. Но как раз этого Коре делать и не хотелось. Абсолютно. Не подобает приличной донне в ее возрасте бегать вдоль рядов стоящих на привокзальной площади повозок, карет и дормезов как последняя провинциальная растяпа.

– Эми, не останавливайся! – тянула она ошеломленную, забывшую обо всю девушку, пока не решила использовать

не очень честный способ, – ты ведешь себя непристойно! Азхарту это не понравится.

Миэль словно холодной водой окатили, больше всего в последние годы она боялась показаться неприличной. Честь и безупречная репутация – это единственное богатство сиротки бесприданницы, и над его сохранностью она тряслась как гном над сундуком золота.

И с этого мгновенья девушка старательно смотрела только на спину возницы, не отставая от Кору ни на полшага.

– Уф, – вздохнула та, оказавшись в карете, – какая толчея! Извини Эми, мне пришлось так сказать, но на самом деле я этого не считаю. Обещаю отвести тебя в парк, где ты согласишься всех эльфов и русалок когда они будут спокойно отдыхать, а не бежать к своему составу. И нам можно будет спокойно сидеть и обсуждать каждую деталь, а не сворачивать шею и не останавливаться посреди бегущей толпы.

– Я не сержусь, – вздохнула Миэль, рассматривая мелькавшие за оконцем дома и вывески, – просто никогда не предполагала, что они могут ездить в гномьих вагонах, и даже не ожидала здесь встретить.

– Вагоны удобный и быстрый транспорт, на нем можно добраться до Ниэтвелла вчетверо быстрее, чем на лошадях. Хотя по тоннелям идет вполтину тише, но там иначе нельзя. Ну вот мы и дома... теперь нужно идти спокойно и медленно.

Они выбрались из кареты возле крыльца внушительного

трёхэтажного дома, и пока Миэль рассматривала широкое крыльцо, спрятанное от дождя под опирающейся на колонны крышей, Кора, дождалась, пока кучер выставит на ступеньки багаж, расплатилась и неторопливо двинулась ко входу. Ей навстречу тотчас шагнул один из швейцаров, получил короткое тихое указание и направился к сундукам, а женщина, подхватив ученицу под руку, неспешно повела ту в просторный вестибюль.

Ошеломленная респектабельностью этого дома, Миэль осторожно крутила головой, стремясь все разглядеть и запомнить, уже понимая, что на это ей просто не хватит времени. Да только для того, чтобы рассмотреть роскошный узор наборного мраморного пола, поблескивающего идеальной полировкой, необходимо часа три, не менее. А еще изящные резные колонны, двери и арки из белого дуба, окна закрытые кажущейся невесомой ажурной решеткой, диваны и кресла и гнутыми ножками, обитые светлой кожей, цветной хрусталь люстры и бра... у бедной сиротки глаза разбегались, и даже если бы она хотела идти быстрее, то не смогла бы.

А Кора уже уверенно вела ее по одному из четырех коридоров, застеленному толстой ковровой дорожкой. Пятнадацкий кабинет долго искать не пришлось, это была вторая дверь слева, и Миэль невольно насторожилась. Ее ожидало самое главное, секретарь и клиенты, тайна лестниц и новое жилье, первый раз в жизни собственное.

Приемная оказалась небольшой комнаткой. Прямо –

стрельчатое широкое окно, затянутое стальным ажурным кружевом решетки, и полузавешанное легкими непрозрачными шторами. В боковых стенах имелось по двери, с каждой стороны от них удобные кресла. В переднем углу стоял небольшой письменный столик и за ним сидела женщина неопределенного возраста с совершенно невзрачным лицом, с которого на Миэль с неожиданной доброжелательностью взирали голубые глаза.

Кроме нее в приемной никого не было, и Кора решительно направилась к левой двери.

– Нам сюда.

– Входите, там свободно, – кивнула голубоглазая донна.

Так просто? Ни вопроса, ни тайного знака? А вдруг это кто-то чужой? Или они все же каким-то образом узнают своих? К примеру, по фасону вуали? Разочарованно поджала губы Миэль, разглядывая помещение, куда почти втокнула ее спутница.

– Это мой кабинет, – запирая изнутри дверь на защелку, негромко просветила ее Кора, – а Сули знает меня почти десять лет. И живет по соседству. Идем.

Она прошла в дальний угол, открыла совершенно незаметную дверцу, замаскированную под кленовую панель, и оглянулась на ученицу.

– Эми?

А Миэль с новым интересом изучала место, где отныне должна была трудиться, хотя пока очень смутно представля-

ла себе смысл и род будущих обязанностей. Но уже отчетливо понимала, что на работу секретаря или писаря ее деятельность вряд ли будет похожа.

Как совершенно не походила на соседнюю приемную эта комната. Скорее, это была небольшая гостиная в очень обеспеченном доме. На полу пушистый ковер шоколадного цвета, у камина круглый столик и два мягких кресла. Дальше, рядом с окном, спрятанным за двойными занавесями, легкими и плотными, из шелковистого гобелена, еще стол, чайный и возле него четыре удобных стула. Угол возле двери занимает вазон с раскидистым кустом выющегося растения с нежно-розовыми цветами, в другом углу стоит высокий буфет.

– Успеешь все рассмотреть, – поторопила ее Кора, – после обеда поставим тебе здесь столик, вон там рядом с буфетом. Сегодня я научу тебя подавать напитки и кипятить чай, а потом будет видно.

За потайной дверцей оказался крохотный коридорчик, два шага в ширину, три в длину. С торцов виднелись еще две, совершенно обыденные дверцы. За одной расположилась ванная комнатка, миниатюрная, зато весьма не бедно отделанная и безукоризненно чистая.

А за второй – шкафчик с полочками, заполненными полотенцами, салфетками, и какой-то мелочью. А где же лестница? – хотелось спросить Миэль, но она сдержалась. И правильно сделала.

– Смотри внимательно, – одобрительно улыбнувшись, произнесла Кора, – сначала обязательно запри вот на эту защелку входную дверь. Иначе проход не откроется. Заперла? Теперь потяни вот этот крючок и крутни два раза. Слышишь щелчок? Дверь открыта. Можно просто толкнуть, вот так.

Шкаф подался куда-то вглубь, открывая выход на ведущую наверх лестницу.

– Не пугайся и не удивляйся, если встретишь тут женщин. На эту лестницу выходят двери из четырех кабинетов. Еще мы впускаем через свои кабинеты секретарей.

– А если тут будет мужчина? – проходя внутрь, мгновенно заинтересовалась Миэль.

– Вот мужчин здесь быть не должно, но, если это кто-то из наших, ты узнаешь по форме. Мужская и женская половины верхних этажей имеют собственные лестницы. И поскольку женщин намного меньше, лестниц у нас всего четыре. Две ведут на второй этаж, две – на третий.

И действительно, на площадке второго этажа лестница уперлась в простую дубовую дверь, приведшую спутниц в коридор.

– Здесь двенадцать комнат, – проходя мимо ближайшей двери поясняла Кора, – и все теперь заняты. Это моя, видишь букву К? Твоя следующая, знака пока нет, к вечеру сделают. Ключ получишь у Пиолы, но комнаты можно и не запирасть. Тут никогда и ничего не пропадает. Входи.

Она решительно распахнула дверь и Миэль, почувствовав

как затрепетало от волнения сердце и задрожали руки, шагнула внутрь.

– Вот твои вещи, переложешь в этот шкаф, чемодан унесут. Ванная там. Ну, остальное понятно. Устраивайся, отдыхай, я к себе. Очень хочется нормально искупаться, – скороговоркой пробормотала наставница и сбежала, оставив растерянную ученицу у порога.

Окинув взглядом комнату, Миэль первым делом рассмотрела ковер. Большой, пушистый, фисташкового цвета с затейливым узором из шоколадных и сливочных виньеток. Девушке нестерпимо захотелось пройтись по нему босиком и она, аккуратно сбросив туфли и оставив их в сторонке, направилась к коврику. Вспомнив, по пути, что здесь можно ходить с открытым лицом, Миэль на секунду приостановилась, сняла и шляпку, и минуты две гуляла по мягкой, ласкающей стопы шерсти, подметая ее волочащейся за шляпой вуалью.

И никогда никому не призналась бы, что в этот момент исполнилась ее заветная мечта. Когда-то и в их доме был такой ковер, лежал в гостиной. И маленькая Миэль просто обожала на нем играть. С котятами, с игрушками, а позже устраивалась и с книжками, натаскав с дивана подушек. Но Крепнорт переделал ту комнату под собственную спальню, и застелил новым ковром, а старый положил в своем кабинете у камина. И с того момента он стал для сиротки недоступен.

А в ее комнате не было даже маленького коврика, хотя Зарита и предлагала связать. Но Миэль не пожелала, это все

равно, что наливать в кофе обрат вместо сливок.

— Интересно, как там Зарита и Рушер? — вздохнула девушка, вспомнив о верных слугах, — наверняка Кренорт устроил им выволочку. Хорошо, что они увольняются, нечего с ним жить. Жаль лишь, что сама она еще не скоро сможет позволить себе нанимать прислугу, иначе обязательно позвала бы только их.

Эти печальные мысли вернули Миэль деловое настроение, и аккуратно свернув вуаль, она направилась к шкафу. Нужно разобрать вещи, переодеться и умыться, после полудня зайдет Кора и покажет, где тут обедают.

Шкаф преподнес первый сюрприз, в нем висело несколько платьев, юбок и блуз того приятного, серебристо-зеленого цвета, какой Миэль уже видела на встретивших их на крыльце мужчинах и секретаре. Значит это и есть форма, и нужно спросить, можно ее надевать, или эти вещи остались от прежней хозяйки комнаты. Интересно, куда она делась?

Миэль давно привыкла сама наводить порядок в собственных вещах, и взялась за разборку чемодана с уверенностью опытного человека. Однако раскрывая бумажные пакеты и картонные коробки то и дело замирала в недоумении. Кора накупила вещей с таким размахом, словно собирала ей приданое. И ладно бы белье, но она и шарфов, блузок, юбок и накидок взяла по дюжине, и только платьев всего три, а шляпок четыре. И то наверняка потому, что они в сундук бы не влезли, начала подозревать Миэль. Но развешивая все это

богатство по вешалкам, все же не могла удержаться и не погладить струящуюся ткань, не приложить к себе хоть на миг.

И это было уже не просто исполнением глубоко запрятанной мечты, это было взрывом счастья, праздником души. Миэль больше не сомневалась, что никогда не забудет свой день совершеннолетия, неожиданно, как в самой прекрасной сказке ставший дивным букетом из впечатлений, сюрпризов и подарков. Хотя пока еще ничем не заслуженным, но пускай это никого не волнует.

Она быстро учится, очень трудолюбива, усидчива... и постарается как можно быстрее и преданнее отработать все сделанное для нее добро.

Наставница пришла только к двум часам, и к этому моменту Миэль успела разобрать шкаф, рассмотреть комнату и влюбиться в нее. В спрятанную в просторной нише удобную кровать с новенькими подушками и одеялами, в ванную комнату, отделанную плиткой фисташкового цвета, и в вид с небольшого балкона, как и все здесь закрытого ажурными решетками.

Где-то далеко каждые полчаса размеренно звонил колокол, и она невольно прислушивалась к нему, занимаясь делами. Застилая постель, протирая капли воды, разбрызганной в маленькой ванной комнатке, складывая в пустые коробки свои прежние вещи. Возможно еще пригодятся. Вот платье же пригодилось, ходить дома.

– Эми, ты переделась? – Кора изучающе оглядела оде-

тую в серое платье ученицу, прошлась по комнате, и села на кресло, – даже не знаю, что сказать. Таких новичков у нас еще не было. Среди девушек, я имею в виду. Тебе хватило выдержки не померить ни одну блузку или юбку, и вместо красивого наряда надеть свое старое платье.

– Оно не старое, Кренорт купил его весной. Я надевала всего три раза... а стирала только после весенней ярмарки. Меня облили лимонадом... случайно.

– Извини, – помрачнела Кора, – я неточно выразилась. Но пусть твое новое серое платье повисит в уголке до подходящего случая? Я специально набрала тебе больше юбок и блуз, чтобы можно было менять варианты. Понимаешь, если женщина вынуждена весь день ходить в форменном платье, у нее начинают портиться настроение и характер. И чем моложе девушка, тем это заметнее. А наша работа требует доброжелательности и внимательности, и плохое настроение не идет ей на пользу. Поэтому все мы к обеду и ужину переодеваемся в другую одежду, да и в своих комнатах ходим нарядными.

– Зачем? – не поняла Миэль, выбирая в шкафу подходящую для обеда блузку.

– Для себя. Ну и на всякий случай. Вдруг захочется погулять по саду или пройтись по городу?

Сиротка смотрела на нее недоверчиво, как это можно, просто выйти вечером и бродить по городу? А подпившие солдаты, всякие подозрительные бродяги и прочие несча-

стья, так и подстерегающие девушек в каждой подворотне?
– Поторопись, – предупредила Кора словно не заметив ее страхов и ушла на балкон.

Вернулась она лишь через пять минут, когда Миэль растерянно теребя короткие, всего по локоть рукава блузки, почти с ужасом рассматривала в зеркале собственное отражение.

Несколько секунд сваха стояла рядом с ней, наблюдая, затем огорченно вздохнула и буркнув непонятное:

– Извини, – ринулась к шкафу.

Быстро выбрала одно из форменных платьев, сунула в руки ученицы и, строго приказав немедленно переодеться, куда-то умчалась.

Миэль проводила ее недоумевающим взглядом и послушно расстегнула только что надетую юбку. Осторожно сняла шифоновую блузку, в которой чувствовала себя раздетой и бесстыжей, и нырнула в прохладу тонкого полотна.

Платье оказалось впору и село очень удобно. Нигде не жало, не висело, и ничего бесстыдно не обтягивало. Да и фасон к этому не располагал. Юбка, собранная в поясе в неширокие складки, книзу постепенно расширялась, строгий лиф украшали лишь выстроченные вертикальные зашпы и аккуратный отложной воротничок с острыми уголками. Застежка была декоративной, как и пуговицы на манжетах, и потому надевать его было очень легко. К платью полагался пояс, и едва застегнув его, Миэль вздохнула с облегчением. Это было именно такое платье, в каких она привыкла ходить

за последние годы, только полотно высшего качества, да безупречная работа. И эта разница, поднимавшая его от платица простой горничной до формы сотрудницы известного столичного агентства, почему-то придала Миэль незнакомой прежде уверенности в себе.

– Садись, – скомандовала Кора, влетев в комнату в точно таком же платье, – я помогу тебе с прической. Прямо из столовой пойдем в кабинет, переодеваться времени не будет.

– А прическа... – заикнулась Миэль, глядя, как ловко пальцы наставницы вытаскивают шпильки из её валика.

– Извини, но она не подходит моей помощнице. Мы в рабочее время стараемся ходить причесанными скромно, не привлекая и не отвлекая клиентов. Иначе они не уложатся в оговоренное время.

Ловко разделив волосы на несколько пышных прядей, быстро заплела их каким-то совершенно незнакомым ученице способом и сколола на затылке. Потом достала из кармана небольшую подвеску и надела на шею Миэль.

– Это искажение личины. Не совсем чужая внешность, но и немного не твое лицо. Первое время тебе придется походить с ним, не снимая. Позже объясню все подробнее, а сейчас пора обедать. Запомни, в столовой мы все хозяева, но здороваться обычая нет. У всех экспертов и старых работников есть любимые места, и остальные стараются их не занимать. Ты будешь сидеть со мной, пока учишься. Сегодня мы попадем немного раньше, присматривайся и помалкивай.

Первые дни я буду заказывать тебе то же, что и себе, пока не поймешь, какие блюда тебе нравятся больше. И еще... я супы не люблю, ем только холодный свекольник, но не каждый день.

– Я равнодушна к супам и совсем не ем фасоль и горох, – мгновенно вспомнила Миэль, – И не люблю жирное мясо.
– Запомню. – усмехнулась Кора.

Столовая обнаружилась сразу за торцевой дверью коридора. Просторный зал со стройными колоннами и белым кружевом решеток на распахнутых окнах чем-то напомнил Миэль городской театр, куда пару раз возила ее мать, пока не слегла окончательно. Вернее, театральный вестибюль.

Так же по-праздничному светло и чисто, такое же обилие картин на стенах, диванчиков и растений. Только здесь еще стояли у окон и в образованных вазонами нишах небольшие столы, и кое-где уже обедали мужчины и женщины.

Кора спокойно прошла к стоящему в ближнем углу столу, почти спрятанному пышно разросшимся лимонником, и села, кивком указав ученице на место, напротив. Но лишь сев на стул, Миэль поняла, что сегодня наставница уступила ей свое обычное место. Отсюда, оставаясь в тени лаковых листочков, можно было сквозь редкое плетение лиан видеть почти весь зал.

– Вот кнопка, – указала наставница на круглую пуговку, торчавшую из стены. – Если нажать, прибежит официант. Но

пока народу мало, он нас и так заметит.

И в самом деле, к ним уже проворно приближался парень в форменном костюме и белом кокетливом фартуке. В руках у него была корзинка, но по мере того, как официант подходил ближе, его губы все сильнее кривила досада. Хотя парень и пытался ее скрыть, но слишком уж выразительным было его юношески свежее лицо.

– Сегодня есть ваши любимые фаршированные овощи и салат с тунцом, – пробормотал он, выставляя на стол изящные серебряные мисочки, хлеб в плетеной вазе и приправы. – Что еще желаете?

– Еще раз то же самое. А к чаю ореховый бисквит и взбитые сливки.

– Можно мне салат без тунца? – учтиво попросила Миэль, – я редко ем рыбу, и только малосольную. С картофелем.

– Конечно, – строго глянула на официанта Кора, и он умчался как ветер. А эксперт улыбнулась ученице и похвалила, – Ты молодец, не растерялась и не смолчала. Многие на твоём месте давились бы тунцом.

– Но ты же сказала, что можно выбрать.

– Я еще и просила помалкивать, – насмешливо напомнила наставница.

– Но прозвучало это не как приказ... и относилось не к прислуге.

– Марош не прислуга, – сразу стала строгой Кора. – Он такой же работник, как мы. Только дело у него другое. Но

если будет работать хорошо, и проявит сообразительность, может получить повышение. А вон и твой обед.

К тому времени, как сотрапезницы добрались до десерта, обедающих прибавилось, и Миэль рассматривала приходящих во все глаза. Многие были в форме, но несколько молодых женщин появились в светлых нарядных платьях, выглядевших, по мнению Миэль, еще более фривольными, чем ее обновы. Но девушки ничуть не смущались и вели себя очень уверенно и с достоинством, да и ни один мужчина не позволил себе ничего нетактичного. Хотя молодые парни на них и поглядывали с интересом, однако гораздо меньшим, чем на самую Эмиэлию, несмотря на ее форменное платье.

– Кора, – пробормотала Миэль, когда они вернулись на женскую половину, – ты заставила меня переодеться, потому что знала, как все будут смотреть?

– А ты разве не знаешь, что новичков всегда разглядывают очень внимательно? – Изумленно подняла бровь наставница. – тем более молодых девушек. Если ты заметила, большинство работников агентства – мужчины.

– Я помню. Ты это уже говорила. А можно еще вопрос... когда Азхарт спрашивал про свободную комнату, ты сказала про фисташковую с каким-то намеком... с ее прежней хозяйкой что-то случилось?

– Ну что ж... похоже мы не ошиблись. И за эту внимательность я отвечу подробнее. Ничего плохого с нею не произошло, она вышла замуж. Но для нас это конечно потеря...

не так – то просто найти подходящего человека и выучить всем хитростям ремесла. Поэтому мы и заключаем договор не менее, чем на три года.

– И когда... – мгновенно насторожилась Миэль, – вы собирались сказать об этом мне?

– Как только станет понятно, есть у тебя способности к нашему делу или оно тебя шокирует, как блузка с коротким рукавом, – суховато отрезала Кора.

– И какое же это дело?

Миэль понимала, как безрассудно и неприлично слишком настаивать на откровенности, когда еще не имеешь никаких законных прав, но остановиться уже не могла. Ей нужно было прямо сейчас выяснить, какой должна быть таинственная работа, чтобы за нее платили так щедро? И почему от нее отказалась прежняя помощница Кору, едва выйдя замуж?

– Если коротко, – строго смотрела на девушку Кора, – я сваха. Но не в том смысле, как это происходит в небольших городах и селах. Я не хожу по домам и никому никого не навязываю. Наоборот. К нам приходят молодые девушки и женщины, не имеющие возможности познакомиться с мужчинами своей мечты, и мы им помогаем, по мере возможности. В королевстве достаточно мужчин, живущих уединенно или наоборот, окруженных такими же холостяками. Это воины, моряки и рыбаки, охотники и добытчики, наемники, маги... всех сразу не перечислить. Мы помогаем им найти друг друга, познакомиться, получше рассмотреть... и зача-

стую все заканчивается свадьбой. А теперь идем, скоро появится первая клиентка.

Глава 6

За время их отсутствия в кабинете появился еще один столик. Вовсе не такой, каким заранее представляла его себе Миэль, а небольшая конторка, за которой стоял удобный стул. На стенке, рядом с буфетом кто-то повесил кашпо с вьющимся цветком, наполовину загораживающим Миэль, стоило ей опуститься на стул. На наклонной столешнице лежал толстый блокнот, в подставке стояли ручки и карандаши, хрустальная чернильница была полна чернил.

Кора открыла буфет и показала ученице как вскипятить чай с помощью магического нагревателя, где стоят чистые чашки и сладости и куда ставить грязную посуду. Миэль слушала очень внимательно, и тут же повторяла все на практике.

– Конфеты подаешь в коробке, а печенье в вазочке, положи горкой, но не слишком много, чтобы не сыпалось; чашечки подноси со стороны лица, или сбоку, так, чтобы человек тебя видел, тогда никого не ошпаришь. И держи пониже, не над головой, – наглядно показала все Кора и предупредила, – и постарайся ничего не спрашивать. Я позже тебе все объясню.

Отправила ученицу за столик и села на свое место. Как раз вовремя, вскоре раздался звонок секретаря предупреждающий о приходе клиентки.

– Добрый день, донна Корания, – войдя в кабинет, чуточ-

ку неуверенно произнесла донна в строгом, но изысканно изящном платье и шляпке с густой вуалью, – мы с вами договаривались в прошлый раз...

– Конечно помню, а как же, – приветливо улыбалась Кора, вставая ей навстречу, – проходите, устраивайтесь. А это моя помощница, Эми. Она записывает все ваши пожелания, чтобы я ничего не упустила. Чай, кофе, лимонад?

– Благодарю, пока не нужно. Скажите... у вас есть для меня новости?

– Есть. Молодой человек, которым вы интересовались, перебрался в провинцию и живет в имении дяди. Скромно живет, никуда не ходит, ни с кем не встречается. Даже писем никому не пишет. Помогает дяде управлять имением, читает. Наш человек ездил туда под видом торговца мелочами, осторожно расспросил соседей и слуг.

– Благодарю, – помолчав, произнесла клиентка, кладя на стол конверт, – Донна Корания, у меня будет еще просьба... я хотела бы с ним встретиться.

– А вы понимаете, что может сделать с нашим «При-по» ваш отец, если узнает об этом?

– Ничего не сделает... я не позволю. Теперь, когда я получила наследство, он больше не смеет мной командовать. Кроме того, все будет словно случайно, вы же умеете такое делать.

– Я должна буду доложить хозяину, – стояла на своем Кора. – Без его разрешения подобные вещи мы не делаем. Да

и наших людей придется привлечь... охрану, наблюдателей. Компаньонку или чтицу.

– Хорошо, спрашивайте хозяина. Как решите, дайте мне знать. И не сомневайтесь, я все оплачу.

Когда дверь за ней закрылась, Кора обернулась к ученице.

– Ничего не хочешь спросить?

– Нет, – отказалась Миэль, задумчиво рисуя в блокноте цветочки.

Да и о чем спрашивать? Имена, подробности? Зачем? Ей и без них понятно, что эта богатая и определенно знатная донна влюбилась так же беспечно, как простая служанка. А ее отец определенно был против... если даже Кора опасается его мести. И сделал возлюбленному клиентки какую-то пакость, поскольку тот вынужден скрываться в провинции.

– Тогда я спрошу, – решила наставница, – Расскажи, что ты поняла из нашего разговора.

Девушка серьезно кивнула и кратко изложила Коре свои выводы.

– Ну, в целом верно, – одобрительно кивнула та, – тогда второй вопрос, а как ты относишься к ее желанию с ним встретиться?

– Но ведь оно справедливое? – задумалась Миэль, – Они же не сами поссорились? Но даже если и сами... раз он ей не безразличен, значит нужно хотя бы поговорить? А он, как я поняла, не имеет возможности устроить встречу. Или денег нет, или пообещал не встречаться... а может даже ему чем-

то угрожали...

– Достаточно. И последний вопрос, если я возьмусь им помогать, это не покажется тебе вмешательством в семейные дела ее семьи? Нарушением воли отца?

– Какой-то каверзный вопрос... – растерянно бормотала ученица, пытаясь найти причину, по которой нужно было бы встать на сторону деспотичного родителя незнакомки. Однако причина никак не находилась. – видимо меня не так воспитали. Или потому, что я сирота и отец не мог выбрать за меня жениха... ой! Извини, Кора, я забыла, что тут нельзя рассказывать про свою жизнь. Но ей я хотела бы помочь, она показалась мне несчастной.

– Ну что же, – довольно кивнула ей наставница, – пока я не вижу причин отказаться от тебя и отправить учить чему-то другому. У тебя определенно есть способности к этой работе. Считай, что экзамен ты сдала. А теперь можем выпить чаю или разобрать дело клиентки, которая придет через полтора часа. Я не предполагала, что мы так быстро договоримся с доньей Лати. Имена, сама понимаешь, тут стараются называть условные.

Больше ничего сказать она не успела. В приемной послышался шум, громкий крик Сули, затем дверь резко распахнулась и в кабинет ворвалась стройная девушка в роскошном платье и обязательной вуали. Только у этой клиентки она была густо-розового цвета, в тон к непомерно пышной юбке персикового платья. Какого цвета лиф, рассмотреть не

удалось из-за сплошной вышивки мелким жемчугом и розовыми камнями. Плечи незнакомки были оголены настолько рискованно, что щеки Миэль вспыхнули за нее смущением. Конечно, сиротке доводилось видеть в книгах бальные платья, но она и помыслить не могла, что кому-то хватит смелости выйти в подобном наряде на улицу.

– Донна Кора, – с порога возмущенно закричала неожиданная гостья скорее тонким, чем звонким голосом, – отзовите вашего цербера! Она порвала мне платье!

– Ничего подобного, – спокойно парировала невидимая Сули, – вы зацепились за кресло, я и шагу из-за стола не сделала.

– Вот! И грубо прекословит клиентам! У вас неучтивые служащие! – розовый вихрь пронесся по комнате и без приглашения хлопнулся в кресло для клиентов, – Я выпью бокал Барвейского... тридцатилетней выдержки... с лимонным льдом и белым виноградом.

Миэль, приподнявшаяся со стула, едва гостья заговорила про напитки, дослушав заказ растерянно опустилась на место. Она не имела никакого представления, где искать в буфете Барвейское, дорогое шипучее вино с южных островов, и Кора ничего подобного не объясняла. А спрашивать у наставницы при этой самоуверенной клиентке не хотелось просто до отвращения. Ведь заранее понятно, какими эпитетами наградит неумеху любительница выдержанных вин.

– Сожалею, – холодно прервала Кора мучения ученицы, –

но никаких напитков крепче лимонада в «При-по» посетителям не подают. Нашими правилами запрещено принимать задания и договариваться с нетрезвыми клиентами.

– Ваш дон Ридзони вообще зверь, – возмутилась гостья и вдруг откинула розовую вуаль, – не могу через нее разговаривать, мне кажется, будто вы меня не слышите. Донна Кора, я желаю, чтобы вы устроили мне свидание с мужчиной.

Эксперт выжидающе смотрела на гостью и молчала.

– Деньги не имеют значения, но обстановка должна быть необычной. Берег моря... мой возлюбленный гуляет по песочку и вдруг видит тонущую девушку. Он бросается в воду, выносит меня на берег, и вот тут – самое главное! На берегу уже должен стоять шелковый шатер, а в нем ковры, подушки... ну, вы понимаете, восточный колорит... столик с фруктами, мороженым...

– Барвейское тридцатилетней выдержки с лимонным льдом, – невозмутимо подсказала Кора.

– И обязательно белый виноград, длинный такой... – обрадовалась донья, – без него Барвейское кажется слишком приторным.

– Боюсь, это невыполнимо, – сочувственно произнесла Кора, совершенно спокойно взирая на клиентку.

– Почему? – удивилась та, – я все продумала. В море я захожу в амулете невидимости, и как только появляется мой спаситель – снимаю амулет.

– А он разворачивается и быстро идет в другую сторону, –

печально вздохнула сваха, копаясь в своих записях.

– Почему? – Еще сильнее изумилась клиентка, и вдруг подозрительно прищурила глаза, – Вы сомневаетесь в благородстве моего любимого мужчины?

Ее миленькое личико с неестественно пушистыми ресницами и аквамариновыми глазами вмиг стало злобным и хищным, как у хорька.

– Ничуть! – Веско заявила Кора, – я абсолютно уверена в рассудительности, благородстве и смелости его высочества Астарда Третьего.

– Да?! – недоверчиво протянул хорек и превратился в смазливую донью, – тогда почему вы считаете, что Асти повернется назад?

– Потому что по нашим сведениям, – Кора зажгла над столом магическую лампу, осветившую широкий круг, разложила в нем свои бумаги и минуты две копалась в них, – одну секундочку, сейчас, сейчас, А! Вот оно. Так о чем мы говорили? О характере его высочества. Всем известно, как не любит принц менять собственные решения, убеждения и вкусы. А с подстроенных свиданий с вами, донья Эсвильда, он сбегал уже сорок шесть раз.

– Откуда вы столько насчитали? – коршуном ринулась на ее бумаги Эсвильда и без сопротивления получила в свое распоряжение длинный свиток, – посмотрим... А! Ну это же агентство «Рай-ша»! И еще какая-то мелочь... разве им сравниться с вами в этом вопросе! Все утверждают, что вы

творите настоящие чудеса. А они нарядили меня в зеленое платье... вот он и ушел. Асти не любит зеленый цвет.

– Секундочку, – ловко выхватила у нее из рук свиток Кора, – вот тут, сбоку, справка. Вы встречали его в нарядах со- рока различных цветов и фасонов. А кроме этого – в ама- зонке, костюме горничной, восточной танцовщицы, русалки, феи, и даже синей птицы.

– Как оказалось, все эти идеи были неверны изначально, – снова устроившись в кресле невозмутимо парировала Эсвильда, – В бальных платьях и маскарадных костюмах он меня видел прежде, а в купальном – еще нет.

– Видел, – упрямо возразила сваха, – и даже без костюма, когда агентство «Сча- все» десантом забросило вас в бассейн его высочества.

– То была тактическая ошибка, – не согласилась клиент- ка, – Асти настолько порядочен, что, едва заметив раздетую девушку, тотчас накрепко зажмурил глаза.

– Ну да, – печально вздохнула Кора, – и с зажмуренными глазами в одних исподниках бежал через весь сад к посту охраны.

– Теперь не убежит, – уверенно пообещала Эсвильда, – мне сшили такой сногшибательный купальный костюм, от которого не сможет уйти ни один заклятый холостяк. Так на какое число назначим операцию «счастливое спасение»?

– Такие вопросы решает только хозяин агентства, по- скольку придется привлекать мага и не менее десятка по-

мошников. А дон Азхарт к сожалению сейчас в отъезде и когда вернется – никому не известно. – Кора смотрела с таким участием, словно на самом деле истово желала помочь клиентке поймать в сети принца.

Однако Миэль к этому моменту была убеждена в обратном, и почему-то ничуть не сочувствовала влюбленной донье.

– Донна Кора! – горько всхлипнула вдруг Эсвильда, – уговорите своего хозяина! Вы же лучший мастер! Вам он не откажет, а у меня это последняя надежда! Я ведь люблю Асти!

– Простите великодушно, ваша светлость, – возразила сваха, словно не замечая, как за спиной клиентки неслышно распахнулась дверь, и в проеме возникли двое хорошо одетых мужчин в магических масках, – но мне точно известно, что любовь добра и великодушна. Истинно любящие уважают своих избранников, их вкусы, мнение и выбор. Вы же признаете лишь себя, собственные прихоти и желания, а до чувств его высочества вам нет никакого дела. Вы вообще считаете их глупыми капризами, иначе давно бы оставили принца в покое.

– О чем вы говорите? – возмутилась клиентка и ее слезы вмиг высохли, – как это оставить? Кому? Этим гиенам, которые так и выются возле Асти? Да с какой стати? Чем они лучше меня? Да ни одна не сравнится ни по знатности, ни по богатству! О красоте я уже не говорю! И туда же, в королевы!

– В принцессы, – поправила ее Кора, – вы торопите собы-

тия.

– Это просто взгляд в будущее, – отмахнулась донна и деловито предложила, – я вам заплачу. Очень хорошо... поместье за рекой. Три квадратных мили фисташковых деревьев и огромный дом. Только сделайте так, чтобы он не успел убежать.

– И вам не жаль принца? – печально вздохнула Кора.

– Я сделаю его счастливым... – Эсвильда вдруг насторожилась, потянула носом, как ищейка и резко оглянулась, – как... принца моего сердца... донна Антуро.

– Вот вы где, донья Сангро, – стремительно сделав несколько шагов, замер рядом с нею один из незнакомцев, – вам пора домой.

– Но я еще не поговорила со свахой... – по-детски надув губы, закапризничала она, – о сюрпризе для моего жениха.

– Позже, сейчас вас ждут, – мужчина вежливо, но непреклонно подал ей руку.

– Хорошо, – вдруг покорно согласилась она, вскочила с кресла и, протянув руку, бросила что-то на стол. Звякнув, на столешницу упал и пару раз перевернулся тяжелый перстень с камнем, – Это вам, донна Кора, за беседу.

Ее смазливое личико на краткий миг исказила злобная гримаска, но в следующий момент Эсвильда улыбалась так лучезарно, словно нежно обожала всех присутствующих. Миэль даже засомневалась было, не привиделась ли ей вспышка ненависти, но в тот же миг где-то внутри, под серд-

цем, неприятно скользнул холодок. Словно змея проползла.

– Пора, – суровый незнакомец решительно подхватил донью под руку, развернул и повел к двери, – вы заставили всех поволноваться.

– Но я имею право... – злое шипенье Эсвильды донеслось уже из коридора.

– Расскажите об этом дону Сангро. – еще расслышала Миэль.

И, замирая от собственной дерзости, поспешила предупредить наставницу:

– Кора, не бери кольцо!

– Я и не беру, – оглянулась та.

– Почему? – второй незнакомец, оказывается, никуда не уходил, видимо, стоял за углом.

И теперь, шагнув в кабинет, движением брови плотно захлопнул за собой двери и прошел к столу. Поглядел на валявшееся перед свахой кольцо, нахмурился, взглядом поднял его со столешницы и ловко опустил в подставленную коробочку. Откуда он ее взял, Миэль заметить не успела, казалось, маленькая темная шкатулка возникла в пальцах мужчины ниоткуда, как у фокусника. И исчезла в одном из его карманов так же мгновенно.

– Так почему вы велели Коре не брать это кольцо, юная донья? – уставился он в полутемный угол, где пряталась под лианами Миэль.

– Взгляд у нее был очень злой, – припомнила девушка пер-

вое ощущение, – вот и подумалось...

– Где мы ее взяли? – теперь мужчина в упор смотрел на Кору.

– Спроси у хозяина. Но я уже приняла Эми в ученицы.

– Так быстро? – насмешливо поднял он бровь, – Впрочем, о чем это я. Так о деле. Кольцо я забираю, попытаюсь продать ее отцу. Нам такие штучки не нужны. А ты получишь премию, его высочество обещал.

– Это швейцары ее первыми опознали. – сообщила сваха.

– И они получают. Но задержала все же ты.

– И она это сообщила, – невесело хмыкнула Кора.

– Не тревожься. На ней теперь мой маяк, и в дом больше не пустят, – успокоил он и снова пристально глянул на Миэль, – А у вас, донья Эми, никогда не бывает странных снов, неожиданных страхов или еще чего похожего?

Девушка упорно молчала. Мало ли чего у нее бывает? Снится иногда такая страсть, что душа в пятки, только она плохо эти сны запоминает. Чаще замечает какие-то неправильные жесты, гримасы, ухмылки и странности, но разве подобает здравомыслящим девушкам относиться всерьез к подобному вздору?

– Эми... – со вздохом окликнула ее Кора, – дон Лебруз служит в нашем агентстве штатным магом. И на его вопросы положено отвечать... он интересуется ради пользы дела.

– Если ради пользы, – буркнула Миэль, – то почему ему не понравилось, что ты меня уже приняла?

– А ему точно не понравилось? – живо заинтересовалась сваха, – ты не путаешь?

– Не путаю, – вздохнула Миэль, – хотя он быстро перевел разговор на другое.

– Кора... – маг сел в кресло для клиентов и устался на хозяйку кабинета, – ты же понимаешь, что теперь я просто обязан доложить Азхарту?

– О чем? – расстроилась ученица.

Вот зачем она лезла не в свое дело, кто бы ответил? Ведь просила Кора ее молчать. Но с другой стороны, а вдруг наставница решила бы прикоснуться к кольцу? Вон с какими предосторожностями этот Лебруз его упаковывал, ясно ведь, какого рода благодарность оставила донья Эсвильда.

– О твоей необычайной наблюдательности.

– Фух! – Облегченно фыркнула ученица, – вот вы, о чем! Так мне в последние годы больше и делать было нечего, кроме как в окно за людьми наблюдать. Но дону Азхарту все это известно.

– Я предупредил, – заявил маг, поднялся и решительно покинул кабинет.

– Почему он тебе угрожает? – помолчав, решилась выяснить Миэль.

– У него уже три года нет ни помощника, ни секретаря, – тяжело вздохнула Кора, – а я вторую ученицу подряд беру. Хотя у нас еще сваха есть, Хлоя, в кабинете напротив сидит. А маг всего один, и всем помогает.

– Мне он не понравился, – честно призналась ей ученица, – слишком... властный что-ли. Или резкий... но с тобой мне интереснее. Расскажешь про эту Эсвильду?

– А чего ты не поняла? – мягко поинтересовалась сваха, убирая со стола бумаги, – неси чайник, поговорим.

– Все я поняла, – присев напротив нее с чашкой чая, сообщила Миэль, – только одно неясно, почему принц терпит ее ловушки?

– Это потому, что ты ничего не знаешь о жизни короля и его приближенных. Отец нашей сегодняшней гостьи – двоюродный брат короля, герцог Фергуст Сангро. А принц приходится ей троюродным кузеном. И выгнать кузину из дворца, где она обосновалась еще года четыре назад, он никак не может, дон Сангро главный советник короля и его величество кузена очень ценит. Ну а герцог уже не раз наказывал дочь, даже заперал и недавно просватал за дону Антуро Норетти. И она согласилась...но планов своих, как мы видели, не забыла.

– Так вот кто принц ее сердца! – смекнула Миэль, – а я не поняла, как она могла оговориться.

– Просто пронырлива, как хорека, – сердито выдохнула Кора, – и сразу чувствует, что дымком запахло. Ты заметила, как быстро она сообразила, что я нарочно тянула время? Нам давно выдали инструкции на случай ее появления, и охрана предупреждена. Не пропустить ее на глазах у всех прочих клиентов швейцары не могут, это сразу подорвёт репутацию

агентства. Да и донья Эсвильда скоро на расправу и всегда таскает несколько магических вещиц, от которых лучше держаться подальше.

Чай они допивали в молчании, обдумывая произошедшее и делая свои выводы.

Глава 7

Последняя записанная на этот день клиентка пришла точно в назначенное время. Вежливо стукнула в дверь, поздоровалась от порога.

– Доброго вам здравия, донна Кора!

– Проходите, садитесь донна Лиз.

– Вы не одна? – бросила гостя осторожный взгляд на Миэль.

– Это моя помощница, можете разговаривать при ней свободно. Она никому ничего не выдаст.

– Да я и не боюсь... – одетая скромно, но со вкусом женщина была явно старше Миэль, но моложе Кору.

Может ей лет тридцать, ученица в этом пока плохо разбиралась. То ли дело женщины родного городка, особенно той части, где жила Миэль. Вуалей никто не носил, перчаток и париков – тоже. Да и по одежде можно было понять, девушка идет, молодая жена или старая дева.

– Мне неловко вам это говорить... – помолчав, вдруг призналась клиентка, – но я сама попыталась заняться вашим ремеслом... и, боюсь, лишь напортила. У меня есть младший брат... я о нем немного рассказывала. Конечно, для многих людей их родственники – самые лучшие... но он действительно прекрасный человек. И очень несчастный. Судьба наделила его приятной внешностью, умом, добротой и скром-

ностью, но недодала здоровья. Нет, он не калека, но и не здоровяк. Грозы и дожди вызывают у него головную боль и сонливость, поэтому где-то служить Алан не может. Зато распоряжается в нашем питомнике, мы живем за городом, и сумел поднять прибыли. А на случай недомогания держит расторопного помощника.

– Алан был когда-либо влюблен? – деликатно увела клиентку от явно болезненной темы Кора.

– Да, в дочку соседа. У них был роман... и я очень радовалась. Но на осенней ярмарке за ней ухлестнул молодой баронет, чего-то наобещал и она с ним сбежала. Ирма была очень хорошенькой.

– Баронет на ней женился?

– Нет... но домой она не вернулась. Живет содержанкой, любовник купил ей комнаты в доходном доме, – огорченно поджала губы Лиз. Судя по всему, на миленькую соседку у нее были большие надежды.

– А ваш брат... не вспоминает о ней? – осторожно осведомилась сваха.

– Нет. И мне не разрешает. Сказал, нет ничего глупее и смешнее, чем верить тому, кто уже предал один раз.

Миэль согласно кивнула, она и сама была такого же мнения. Несмотря на свой возраст успела, накололась. Доверила как-то пару раз подружкам свои простенькие секреты...

Хотя, как простенькие, тогда они казались ей самыми важными в жизни. И первые, робкие чувства, к приехавше-

му в гости к соседям подростку с наглыми глазами и манерами, и обжигающий стыд, когда резко ставшая бывшей подруга во всеуслышание с насмешкой рассказывала тайны доверенные только ей.

— Эми, налей нам чаю, — попросила Кора и девушка поспешила исполнить это распоряжение.

Чай они пили за большим столом, и ученица тоже сидела вместе со всеми, слушая рассказ донны Лиз об их семейном питомнике. Как выяснилось, выращивали клиентка с братом вовсе не лошадей, соболей или модных белых лис. И даже не собачек. А декоративных рыбок павлинохвостов. Начал их разводить еще отец донны, и как выяснилось после его ухода, истратил на это красивейшее, но абсолютно бесполезное создание все сбережения. Им повезло, что он был отставным офицером королевской гвардии и получал неплохую пенсию, иначе пришлось бы голодать. В наследство остался только дом с небольшим садом, шкатулка с драгоценностями матери, которые та еще при жизни подарила донне Лиз, да три десятка больших стеклянных бочонков, где плавали маленькие, с мизинец рыбки с бесподобно красивыми хвостами. Их было не так много, отец, стремясь вывести особей с самой необычной окраской, продавал или менял всех более обычных.

Поэтому на оставшихся рыбок нашлось довольно много желающих. Предлагали взять в хорошие руки, пока не сдохли, обменять на других, и реже купить. Но Алан сразу кате-

горично заявил, что это память об отце и она не продается.

Торговать они стали позже, когда рыбки вдруг начали резко размножаться и оказалось, что кормить их довольно накладно, а ухаживать не просто. Зато первая же поездка на собачий рынок с ведерком, где сновали яркие малыши, принесла неожиданный сюрприз. Алан для начала прошелся по рядам, где сидели у особых, переносных аквариумов опытные торговцы и вернулся ошеломленный сделанным открытием. Рыбки, которых он считал просто красивыми игрушками, стоили просто баснословно дорого. Почти как их дом.

Не все разумеется, и он не сразу разобрался, по каким приметам различают их любители. Но цену заломил такую, что сестра смотрела на него как на сумасшедшего. И была потрясена, когда несколько рыбок все же продалось, разом поправив их денежные дела.

Вот с той поры Алан и занимается питомником, на досуге изучая книги и записи отца.

– Это очень интересно, – убежденно заявила Кора, когда чай был допит, – и мы обязательно вам поможем. Невесты для такого интересного донна обязательно найдутся, но сначала ответьте на несколько вопросов. Про его достоинства мы слышали, но не бывает людей без недостатков.

– Но Алан именно такой, – растерялась донна Лиз, – кроме болезни я ничего не могу припомнить. Он не курит и не пьет, не играет в азартные игры и не подвержен прочим порокам. У него спокойный, дружелюбный характер, и хотя он

непоколебим в своих принципах и не прощает обмана и подлости, зато совершенно не вспыльчив. Вы мне не верите?

– Мы постараемся придумать, как с ним встретиться, – уклончиво заявила Кора, – вы ведь понимаете, что я не могу продавать кота в мешке и должна отвечать за свои слова перед невестами, которым буду предлагать знакомство с ним?

– Он не захочет с ними встречаться, – обреченно выдохнула донна Лиз, – Алан сказал, что никогда не позволит выставить себя и свою судьбу на торги.

– А в гости к вам приехать он нам разрешит?

– Конечно. Но сразу поймет, что это моих рук дело, и не выйдет из своей комнаты. У меня нет таких подруг, которых он не знает. И если я знакомлюсь где-то с новыми людьми, то очень долго с ними схожусь.

– Хорошо, – подумав, кивнула Кора, – я беру оба задания. И первое, с которым вы пришли в прошлый раз, и это. Вы мне нравитесь, а хорошие люди не должны быть несчастными. Отправляйтесь в магазин, купите себе обновок, и до того дня, как мы встретимся вновь, и я скажу слово «роза» забудьте, что вы сюда приходили.

Миэль смотрела широко распахнутыми глазами, как смущенно прощается с ними Лиз, уже увлеченная какой-то идеей, как торопливо она выходит из кабинета и в душе ученицы начинали прорастать нехорошие подозрения.

А что, если они и с нею вот так... скомандовали и пошла наивная Эми к вагонам, не помня и даже не догадываясь,

чего хотела на самом деле?

– Теперь можно отдохнуть, – убирая свои записи весело рассуждала тем временем Кора, – на сегодня у нас больше записанных нет. А без записи приходят лишь до обеда. Ну выбирай, куда пойдем?

И тут сваха наконец что-то заподозрила и резко оглянулась.

– Эми? А ты чего это молчишь?

– Думаю.

– О чем, если не секрет?

– Секрет, конечно... но молчать я не буду. Скажи честно, вы всех так вот... отправляете, куда захотите... и потом они и не помнят, сами туда хотели или шли как крысы под дудочку?

– Ах вот оно что... – Кора снова села на кресло, – Прав Дейн, ты действительно очень чуткая и внимательная. Ну иди сюда, я тебе объяснять буду.

– Кто такой Дейн? – недоверчиво сверлила ее взглядом севшая напротив ученица.

– Наш маг. Дейнрад Лебруз. Но при клиентах мы зовем его только именем рода. Он ведь тут под маской. А теперь про приказ, который я дала Лиз. Это гипноз, или внушение, ему может научиться почти каждый человек. Нужны лишь уверенность в себе и в необходимости воздействия, которым ты собираешься немного подправить память человека. Мы это делаем для его же пользы.

– А откуда ты знаешь, будет польза или нет? – непримиримо смотрела на наставницу Миэль.

– Опыт и точный расчет. Вот скажи, как ты думаешь, когда Лиз в прошлый раз пришла оставить заказ на знакомство с порядочным мужчиной, я зря назначила ей прием через декаду? Вовсе нет. Она из тех клиентов, которые не лгут, не приписывают себе несуществующих добродетелей и не требуют исключительно принца. Но проверить это я должна. Женихи, которые оставляют у нас заказы, тоже люди, и я не имею никакого права испортить им жизнь, повесив на шею никчемную, взбалмошную и меркантильную стерву. Поэтому и беру десять дней, и отправляю заказ другому эксперту. За это время они все выяснят, все проверят и принесут мне точнейшие сведения. Вот, взгляни. Сегодня я ничего не писала, а в прошлый раз Лиз даже не упомянула про брата. А тут пять листов подробного отчета. Читаем: Алантер Юнвиль, двадцать восемь лет, сероглазый шатен высокого роста, стройный, хорошо сложен, лицо симпатичное. Характер уравновешенный, доброжелательный и честный, развито чувство собственного достоинства и ответственность за родных и близких. Ни в каких сомнительных делах и компаниях не замечен, вредных привычек и склонностей не имеет. Не употребляет никаких крепких напитков, ничего не курит и не нюхает. Писавший это сыщик сказал мне, что они даже сами не поверили своим выводам, засомневались, и обнаружили вот это: – подвержен внезапным мигреням и кратко-

временным приступам слабости, но по заверению их семейного врача, болезнь не наследственная и не заразная. Просто неудачно перенес в детстве ангину. Я сразу записала его в свой золотой список, ведь подобный мужчина вполне способен сделать счастливой одну из одиноких донн внесенных нами в золотой список.

А теперь скажи мне, как бы я смогла помочь этому достойному молодому человеку, если он заподозрил бы, что Лиз ездила его сватать? Ведь она простушка и смолчать не сможет, сама все и выложит брату из самых лучших побуждений. А его это конечно заденет. Ведь Алан умный мужчина и отлично понимает, насколько он лучше, надежнее и порядочнее толп ловеласов, слоняющихся по кабакам, балам и игорным домам. А если вдуматься, его приступы бывают намного реже, чем тяжкие похмелья и всевозможные загулы многих здоровых донов. Потому-то ему и обидно, что сестра вздумала искать невесту с нашей помощью.

– Это я понимаю, Кора. Меня саму окружали... ой, прости, вырвалось. Но я волновалась не об этом. А о себе. Я ведь действительно решилась поехать с Азхартом неожиданно даже для самой себя.

– Не совсем, – с сочувствием глянула на нее Кора. – Мне известно, что после совершеннолетия ты должна была покинуть дом отчима. И поэтому всем, кто умеет связно рассуждать, ясно, что ты просто не могла не думать постоянно о том, куда отправиться. В таких ситуациях все здравомыс-

лящие люди заранее ищут работу, жилье, знакомых, связи, и постоянно сравнивают и взвешивают все имеющиеся варианты и возможности. Ну, поскольку ты не замужем, можно уверенно сказать, что приданого нет, иначе какой-нибудь ушлый приказчик уже заморочил бы тебе голову. И значит в глубине души ты уже готова была к переезду, только не выбрала пока, куда. А Азхарт тебя не гипнотизировал, и не очаровывал, мы никогда не поступаем так с будущими коллегами. Он просто дал возможность сделать выбор, так как нашел тебя подходящей для нашего ремесла. И раз ты согласилась, значит он не ошибся. Впрочем, хозяин редко ошибается.

Она помолчала, поглядывая на задумавшуюся ученицу, потом тронула ту за плечо.

– Пойдем наверх. Думать можно и в своей комнате. Только запомни пожалуйста, если что-то покажется тебе подозрительным или странным, не спеши делать неверные выводы и поступки. Просто спроси сначала у меня, и я все объясню.

Глава 8

В своей комнате Миэль обнаружила несколько пакетов, которых еще недавно тут не было. Обошла стороной стол, на котором они лежали, подумала и пошла к наставнице. Некоторое время в сомнении постояла у ее двери, потом нехотя стукнула.

– Входи, – крикнула Кора и через несколько секунд сама распахнула дверь, – Миэль? Что-то случилось?

– Извини, – с досадой прикусила губу девушка, сообразив что ждали вовсе не ее, – я просто хотела спросить про пакеты. Там кто-то принес..., наверное, по ошибке.

– Не бывает тут таких ошибок, – заулыбалась наставница. – Это я, когда поняла, что купила тебе не совсем подходящие вещи, послала заказ в соседний магазин одежды. Приказчики приносят, а наши курьеры доставляют в комнаты. Мы часто так делаем, чтобы не мелькать возле агентства. Не станешь же по пустякам ходить в личине. Кстати, если не хочешь приобрести сразу несколько настойчивых ухажеров, не снимай ее... пока хорошенько всех не рассмотрела. У нас достаточно холостяков.

– Странно, – насторожилась ее ученица, – неужели вам так трудно найти им всем самых лучших невест?

– Да уж не просто. Наши – то все мудрые, про каждую могут всю подноготную узнать, их прической и модным пла-

тъем не обманешь, – с неподдельным огорчением вздохнула Кора, и снова предложила, – Так может зайдешь, попить с нами чаю? Сейчас Хлоя придет, познакомитесь.

– Можно минут через пять? Я собиралась переодеться.

Говорить, что ей хочется взглянуть на новые наряды, Миэль не стала, Кора и сама это понимает. Догадалась ведь, как сильно шокировали ученицу непривычно вольные блузки.

Хотя теперь девушка уже и сама начинала осознавать собственную неправоту. Со своим уставом в чужой монастырь не ходят, и она несомненно будет выглядеть смешной провинциалкой, если продолжит цепляться за привычную моду.

Поэтому, рассмотрев новые блузки и юбки, Миэль все-таки надела тот наряд, который выбрала еще утром и решительно отправилась в гости. Пора привыкать жить по-новому.

Комната Кору оказалась как две капли похожей на ее собственную, только мебель стояла иначе. Да и разных личных вещей было намного больше. Особенно книг, ими были заставлены висевшие в простенке полки и приставленный к окну письменный стол. Еще на нем были ящички с какими-то бумагами, карты, блокноты, кисти и краски и совершенно незнакомые предметы.

– Садись и знакомься, – пригласила Кора, сидевшая в кресле перед небольшим столиком, приставленным к холодному камину. Напротив нее устроилась худошавая черноволосая донна, весьма почтенного возраста на вид. Но Миэль

теперь больше не верила своим глазам.

– Я Хлоя, – улыбнулась ей сваха, – работаю рядом с вами и живу по соседству. А ты Эми, мне Сули уже рассказывала. Нет, она совсем не болтушка, но нам, как своим прямым начальникам докладывает обо всем. Тем более такие новости, как прибавление нашей маленькой команды. Новички в агентстве вообще появляются не часто, а к нам ученицы попадают раз в десять реже, чем к сыщикам или в охрану.

Миэль молча кивнула и опустилась на заранее придвинутый для нее стул. Взяла чашечку с чаем и приготовилась слушать. Ведь не зря же ее так усиленно приглашали на это чаепитие?

– Боюсь, сегодня за ужином нам кусок в горло не полезет, – раскладывая по тарелочкам куски торта, словно мимоходом заметила Кора, – Хлоя говорит, что уже все «При-по» знает о новенькой ученице.

– И что, – нахмурилась Миэль, совершенно не обрадованная этим сообщением, – теперь они откроют на меня охоту? А всем известно, что я бесприданница или мне написать это на лбу?

– Нашим экспертам абсолютно все равно, есть у тебя приданое или нет, – тихо вздохнула Хлоя, – они сами весьма неплохо зарабатывают. Им намного важнее другое, мнение дона Азхарта. Кого попало он никогда бы сюда не привел. Ни ветреных дурочек, ни упорных спорщиц, ни наглых стерв. А раз ты здесь, да еще и Кора взяла тебя в ученицы без испы-

тательного срока, значит за тебя стоит побороться.

– Спасибо Кора, ты мне помогла, – проворчала Миэль тихонько, и наставница вдруг засмеялась.

– Так у меня другого выхода не было. Если бы я промедлила, на тебя Дейн бы лапы наложил. Ему и в самом деле без секретаря трудно, а те, кого брали, не справились.

– Наверное он им слишком трудную работу давал, – припомнив въедливого мага, недоверчиво буркнула Миэль.

– Сомневаюсь, – уклончиво пробормотала Кора, – он как человек аккуратный требует точного исполнения задания, а девушки попадались не очень внимательные. Он как-то пришел белый от гнева... его новая секретарь записывала разговор с клиентом. Записала все подряд... не поясняя с какими эмоциями произносились слова. Ты знаешь, что простое слово – «да» можно сказать так, что это будет и вопрос, и язвительное ругательство и сомнение и даже – «нет»?

– Ну, – задумалась Миэль, – мне это известно, хотя я никогда не задумывалась нарочно.

– А нам приходится. Вот как у Дейна, клиент в ответ на предложение ехидно кричал: – «Да сейчас!» и она так и написала: – Да. Сейчас. Хорошо, что вопрос был не особенно важным, и они потом договорились, но секретаря пришлось уволить. Донна никак не могла понять разницу в смысле сказанного.

Миэль некоторое время молча пила чай и размышляла о подводных камнях секретарской работы, потом сообразила,

чего от нее ждут.

– Ну и как ты предлагаешь мне бороться с вашими экспертами?

– С «нашими» экспертами, – с нажимом поправила Кора, – ты же теперь тоже наша. А бороться с ними тебе нечем... просто нужно твердо решить, чего ты больше хочешь. Замуж или работать.

– Все девушки хотят замуж, – лукаво подмигнула Хлоя.

С минуту Миэль ее изучала, пытаясь понять, есть ли в словах новой знакомой подвох, и в чем он, потом согласно кивнула.

– Я тоже хотела. И даже влюблена была три дня назад.

– Ого, – изумилась вторая сваха, – и куда же он делся?

– Никуда, – спокойно сообщила Миэль и взяла второй кусок торта.

Раз за ужином эксперты поесть не дадут, то хоть здесь подкрепиться. И в конце концов, у нее сегодня день рождения.

– Отказался жениться? – нахмурилась Кора.

– А мне можно рассказать? – подняла на нее невинный взгляд Миэль.

– Да уж, успокой мое сердце, а то я теперь и не усну.

– Просто он казался мне чрезмерно... как бы сказать точнее... нетерпеливым. И я пошла к его приятелю, мы с детства знакомы. Тот деньги копит на дом и дорожит каждой монеткой. Всего за пару серебрушек он объяснил, что я нравлюсь Мигело, но сватать он собрался Розе. У нее при-

даное хорошее.

– Подлец, – зло выплюнула Кора.

– Кобелино, – подтвердила Хлоя, – ну и как же ты с ним простилась?

– Никак, – посматривая на третий кусок, пожала плечами Миэль, – просто попросила кухарку вернуть ему записку и больше не брать.

– Молодец. Характер у тебя есть, – похвалила Кора и с улыбкой осведомилась, – А от третьего куска торта плохо не будет?

– Не знаю, – честно призналась ученица, – я их очень редко ем. Но ведь положено в день рождения объесться сладким?

– Как... – озадаченно охнула Хлоя, – разве он сегодня?

– Почему ты меня не предупредила? – Кора растерянно уставилась на ученицу.

– Я думала, ты знаешь. Но ничего страшного ведь не произошло? Или... – нахмурилась Миэль.

– Мы считали, что твой праздник завтра... – огорченно сообщила Хлоя, – и большой торт, на всех, будет только к завтраку. Понимаешь, у нас такая традиция. Делать юбиляру разные сюрпризы. А завтра будет уже не то...

– Ничего подобного, – возразила Миэль, мгновенно сообразив, что сейчас лишится праздника, – я родилась поздно вечером и можно было записать рождение в следующий день. Но матери не хотелось, чтобы я потом ждала подарков

лишние сутки... так она говорила. А теперь мне все равно, и если вы промолчите, то и я никогда не проговорюсь. Ну а насчет ваших холостяков... я выбираю работу. По очень простой причине. Сегодня я целый день наблюдала за Корой и поняла, что мне очень нравится жить и работать так, как она. Чтобы никто не указывал, где сесть, когда идти обедать, когда спать... надоело ощущать себя бесправной рабыней.

Свахи несколько минут молчали, потом Кора встала, прошла к буфету и вытащила несколько коробок невероятно дорогих конфет и вазу с фруктами.

– У меня есть Барвейское, – ринулась к двери Хлоя, – и эльфийский миндаль. Сули позвать?

– Давай, – кивнула Кора и постелила на обеденный стол белоснежную скатерть, – мы отпразднуем сегодня. И больше никому об этом не расскажем. До следующего года.

Через пятнадцать минут они сидели вчетвером за заставленным изысканными сладостями столом. Пили из тонких, высоких бокалов пенящееся розовое Барвейское, медово-сладкое и колючее на вкус, закусывали хрустким длинным виноградом и эльфийским миндалем, чай пили вприкуску с бесподобно нежной сливочной пастилой сваренной мастерицами из Еловой Пущи, старинной родины оборотней, и слушали дивные песни русалок, записанные на магические кристаллы.

Миэль потом и на ужин не пошла, попросту объевшись незнакомыми сладостями.

Вернувшись в свою комнату по привычке заперла дверь на ключ, нашедшийся на столе, искупалась и, надев новую ночную сорочку из мягкого нежного батиста, добралась наконец до постели. А засыпая размышляла о том, как ей повезло, получить такую интересную работу и познакомиться с хорошими людьми. Правда, мелькало где-то на окраине сознания смутное подозрение, что слишком внезапно и странно свернула ее жизнь в неожиданную сторону, но думать об этом у девушки уже не было сил.

Глава 9

Поднялась Миэль по привычке рано, сбегала умыться, потом заплела, как сумела, волосы, сколола в узел и, вспомнив слова Кору про большой торт, задумалась. Значит ее будут поздравлять, и одеться нужно как-то особенно.

Осмотрела свои обновки и вздохнула, тут абсолютно все вещи были для нее непривычными, особенными, значит выбирать нужно как-то иначе. К примеру, представить, как будут смотреть на нее те самые кровожадные холостяки. Изучать со всех сторон, с видом знатоков рассматривать фигуру...

А она на радость им наденет обливающую бедра шелковую юбку и шифоновую блузу. Чтобы никто не сомневался в ее готовности стать призом в охоте на невесту.

Ну уж нет, не дождетесь, голубчики. Миэль ждала вас четыре года, с того самого дня, как не стало матери. Истово надеясь, что появится кто-то смелый и добрый, уведет ее из ставшего чужим и холодным дома, от пустых глаз и откровенной неприязни отчима. Но бедная сиротка оказалась никому не нужна, никто не пожелал разглядеть в ней преданное сердце и добрую душу.

И последней дурочкой она будет, если сейчас, едва обретя надежное пристанище и самостоятельность, польстится на их ухаживания.

Пусть даже все они и самые лучшие, смелые, умные, честные... но Миэль нужен один-единственный, тот, кто предназначен небом, и выбрать его она будет без спешки.

Ученица свахи решительно задвинула в шкаф все вешалки с праздничными нарядами, достала самое строгое из форменных платьев и не колеблясь надела. Застегнула пояс, убрала за ворот амулет личины и, тщательно пригладив волосы, отперла дверь, ожидая прихода Кору.

Наставница появилась лишь через час, когда Миэль успела потихоньку заправить постель, изучить вид с балкончика, посидеть во всех креслах по очереди, выбирая то, которое станет любимым, и пожалеть, что не попросила вчера у сотрудниц какую-нибудь книжку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.